

Юкаменский детский дом

Эвакуированные в Юкаменский район в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов и Юкаменский детдом в деревне Большой Палагай Юкаменского района Удмуртской АССР в 1944-1959 гг.

Начало войны я помню очень хорошо, мне тогда уже исполнилось шесть лет. Я помню, как мы провожали папу на войну 9 сентября 1941 года. Я помню, что говорил папа маме. Я с сестренкой Розой, ей было 2 годика, ехали на коленях родителей, мама тогда была беременной, сестренка Гульсум родилась через неделю после отъезда папы. Папа сказал: «Береги детей и себя, тогда я обязательно вернусь!». Конечно, папа сказал больше, но смысл его слов очень точен. После войны, уже студентом ВУЗа, на каникулах за обеденным чаем, я пересказал папе и маме их разговор осенью 1941-го, очень точно повторив слова папы, сказанные им маме на татарском языке. Папа с мамой переглянулись, улыбнулись друг другу, и папа сказал: «Вот мы думаем, что дети ничего не понимают, а ведь Азат точно повторил мои слова, сказанные мною тебе при прощании, Хамида!».

С началом Великой Отечественной войны началась эвакуация мирного населения из областей и республик СССР, которым угрожала оккупация вражескими войсками.

Теперь немного об эвакуированных гражданах в Юкаменский район Удмуртской АССР во время Великой Отечественной войны. Они были очень плохо обеспеченными, работали в колхозах, учреждениях и школах и практически жили впроголодь, у них не было верхней одежды, платьев, обуви... Они были ограничены в праве выезда из района. В Глазовском архиве сохранилось очень мало документов по эвакуированным, их «Дела» (сейчас написали бы «Досье»), шли, наверное, по ведомству НКВД-МВД. Что осталось в Юкаменском архиве (с 1963 года в Глазовском архиве – далее - ГА) – это, скорее всего, случайно оставшиеся документы.

1942 год.

В документах Юкаменского архива первые упоминания об эвакуированных гражданах из западных областей СССР, оккупированных немецкими войсками, появляются в начале 1942 года [1].

На 9 марта 1942 года в район прибыло 562 человека, всего 206 семей. Они были размещены в населённых пунктах района и, по возможности, трудоустроены. В организациях, учреждениях района и в колхозах работу получили 130 человек (57% от числа прибывших).

Например, в мою родную деревню Б-Палагай были направлены 25 человек (всего 10 семей), из них трудоспособных – 10, трудоустроены из них только 4 человека [2]. Самое удивительное, что одна из семей оказалась из Палагая, которая перед войной уехала в Украину к главе семьи, служившего с 1935 года на одном из западных военных аэродромов авиатехником.

К концу апреля число эвакуированных в районе увеличилось до 638 человек (всего семей – 237) [3].

Эвакуированные семьи приехали в той одежде, в какой их застала война и в какой они сумели попасть на транспорт – поезда, пароходы... Они все приехали без денег, одежды, без ничего и их материальное положение было ужасно. Вот одна из эвакуированных, Мария Ивановна Аляпышева, работавшая секретарём-машинисткой в исполкоме Юкаменского райсовета, обращается в мае 1942 года к секретарю райисполкома А.И. Сунцову с заявлением, в котором просит разрешения на пошивку одного платья 48 размера себе и выдать пальто своей несовершеннолетней дочери.

На сохранившемся заявлении М.И. Аляпышевой резолюция секретаря райисполкома А. Сунцова: *“Продать одно платье и одни брюки”* [4].

Вот ещё одно отчаянное заявление в Юкаменский райисполком:

«Председателю Юкаменского райисполкома эвакуированной Кондратьевой Марии Тимофеевны
Заявление. Я живу в Юкаменске с двумя детьми: сыном 14 лет и дочерью 12 лет. Зарплата у меня 150 рублей в месяц. Помощи из Ленинграда не получаю с 28 декабря 1941 г. 23 марта с/г сестра мужа сообщила о том, что он умер от истощения. Прошу оказать материальную помощь. 19 марта 1942 г.»

На заявлении резолюция А. Сунцова: *«Продать одно платье»*.

Вот еще одно обращение в райисполком:

«Председателю эвакуационной комиссии от гр. Смирновой Федосьи Васильевны, эвакуированной из гор. Ленинграда, проживающей в дер. Жуки, работающей в колхозе,

Заявление

Прошу обеспечить меня одеждой, т.к. не имею что переодеть. Прошу не отказать в моей просьбе. п/п Смирнова 27/ III-42 год».

Резолюция А. Сунцова: *«Продать одно платье»* [5].

В отличие от местных жителей, на домах которых проживали приезжие, у эвакуированных не было никакого хозяйства, огородных участков. Они, кроме зарплаты, очень маленькой, ничего не имели. Хорошо, если поступала какая-нибудь помощь от родных.

Материальное положение приезжих было хуже некуда:

«Секретарю исполкома тов. Сунцову от машинистки Аляпышевой М.И. заявление от 5 июня 1942 г. Несмотря на мои просьбы об устройстве, чтобы я могла обедать в столовой, т.к. в час обеды кончаются, и получить ничего нельзя, а теперь тем более обеды выдаются по пропускам. Дома у меня с питанием очень плохо, кроме хлеба 500 гр. ничего нет. Состояние здоровья ухудшается, чувствуешь, как слабеешь, нередко печатаешь, и темно в глазах становится».

Резолюция Сунцова: *«Зав. столовой: ежедневно отпускатъ по 1 порции мясного или молочного. 7/VI-42»* [6].

Недомолкин Игорь, работающий в районном радиоузле, просит увеличить норму хлеба от 400 грамм до 600.

А. Сунцов пишет на его заявлении: *«Удовлетворить, продавать по 500 гр.»* [7].

О Недомолкине Игоре я напишу ещё чуть позже. Вероятно, я с ним встречался осенью 1944 и весной 1945 года в Б-Палагае.

Эвакуированные граждане были ограничены в передвижении по территории Удмуртской АССР. Для выезда даже в соседний район требовалось специальное разрешение исполкома райсовета. Так же требовалось специальное разрешение для въезда в район родственников эвакуированных.

Учитель Юкаменской средней школы Гельфанд Яков Самуилович попросил выдать разрешение на въезд в Юкаменское отца 78 лет и слепой матери 66 лет из Чувашии.

Резолюция С. Кошечева 30/VI-42: *«Разрешить отцу Гельфанду Самуилу Абрамовичу и матери Гельфанд Муси Янгелевны въезд в Юкаменский район»* [8].

Учителя Якова Самуиловича Гельфанда мне посчастливилось увидеть лично весной 1944 года. Об этом эпизоде я напишу ниже.

Из следующего заявления видно, что для выдачи разрешения гражданину на въезд в Юкаменский район, нужно было исполкому Юкаменского райсовета сделать вызов по месту жительства этого гражданина:

1 августа 1942 года, Аляпышева М.И. просит исполком райсовета возбудить ходатайство перед исполкомом Фрунзенского райсовета гор. Ленинграда о разрешении выезда её мужа из Ленинграда и разрешения на въезд в Юкаменский район её мужу Аляпышеву Александру Александровичу.

Юкаменский райисполком сделал запрос в Ленинград, а на её заявлении поставлена резолюция:

«Исполком Юкаменского райсовета в въезде гражданину Аляпышеву Александру Александровичу не возражает. Председатель РИК А. Сунцов» [9].

В августе 1942 года А.И. Сунцов уже председатель исполкома Юкаменского райсовета.

Во время работы в Глазовском архиве в конце 90-х прошлого столетия меня поразил следующий факт. Идёт тяжелейшая война, семьи разбросаны по всей стране, и вдруг ленинградке Аляпышевой М.И. звонят из Глазова и просят получить посылку, посланную ей из блокадного Ленинграда! Возможно, меня это поразило потому, что в архиве я работал в конце XX-го столетия,

когда в стране был полнейший хаос, и мне невозможно было представить, чтобы посылка благополучно дошла до адресата, посланная частным образом через знакомых людей мужем Марии Ивановны!

Эвакуированная Аляпышева Мария Ивановна 4 августа 1942 года просит райисполком выдать разрешение на выезд в город Глазов для получения посылки от мужа, который привёз эвакуированный из Ленинграда гражданин. Он позвонил ей по телефону. Разрешение ей было дано [10].

Письмо Юкаменского райисполкома от 29/VII-42 г.

«г. Ленинград. Председателю Октябрьского районного Совета

Эвакуированная гражданка с гор. Ленинграда Кошаровская возбудила ходатайство перед нашим исполкомом районного Совета о высылке ей свидетельства о смерти её мужа Кошаровского Нисона Хаимовича [умер в 1942 г.] на предмет <...> назначения её сыну пенсии»

Выписку из архивного дела, вероятно, я сделал в сокращённом виде – А.Х. [11]. Разрешение ею было получено.

Выписки можно было продолжать. Все они о тяжёлом положении семей эвакуированных, живущих в Юкаменском районе.

В архивных «Делах» очень много заявлений от эвакуированных граждан по вопросам материального обеспечения и другим вопросам. В основном я выписывал заявления тех лиц, которых знал лично или узнал о них много позже по рассказам и воспоминаниям мамы, моих братьев, сестёр, других земляков из Палагая и Юкаменского района... Возможно, по мере обработки материала, буду давать подробные комментарии и описания сразу же после выписки из архивного дела. В общем, как у меня получится: я всё же не писатель и не публицист! - А.Х.

В «Списке эвакуированных семей начсостава», октябрь 1942 г. [12] записана моя землячка Абашева Банат Каюмовна, которая приехала с двумя малолетними детьми из Украины осенью 1941 года и Смирнова Феодосия Васильевна, [13], которую первоначально определили жить и работать в деревню Жуки.

С сыном Колей, моим ровесником, Смирнову Феодосию Васильевну жену красного командира, летом 1942 года перевели жить из Жуков в Палагай. Ещё одна семья эвакуированных из Ленинграда - семья Остроумовых тогда же – в 1942 г. - появилась в Палагае. Смирнова с сыном Колей и Остроумова с двумя сыновьями жили несколько лет в пустующем доме на месте, где потом (в начале 2000-х годов, построит свой дом Азат Галяутдинович Абашев). У Остроумовой, я запомнил её имя и отчество, были два сына: ученик 3 класса Аркадий и мой ровесник Митя. С Колей Смирновым и Митей Остроумовым я пошёл в 1943 году в первый класс. Через несколько месяцев Аркаша (так мы звали Аркадия) уже довольно сносно говорил по-татарски, хотя и с очень большим акцентом.

В начале лета 1943 года мы, вся малышня, пошли купаться на реку Убыть. Среди нас старшим был Аркаша, и он по дороге рассказывал нам уже по-татарски, как они на поезде выезжали из Ленинграда. Я попробую вспомнить и написать его рассказ так, как он тогда говорил по-татарски:

«Без поезда бара идек, ани, мин, Митя, анины кулында кечкена бабай бар иде. Поезда «Тревога! Воздух!», дип, кычкырдылар. Немецнын самолётлары поездны бомбить ита башладылар. Поезд туктады. Без урманга егера башладык. Ани да бабай белан егера, бомба тыште, бабайны утерде».

Мы, татарские мальчики, почти совсем не знали по-русски, я никак не мог понять, как его мама бежала с дедушкой на руках. С татарского «*бабай*» - дедушка. Наконец, Аркадий показал нам размеры «*дедушки*» жестами и мы поняли, что он рассказывал нам о своём погибшем при бомбёжке поезда маленьком братике. А «*ребёнок*» по-татарски звучит мягче, как «*бэбэй*». Его рассказ в переводе на русский язык:

«Мы, мама, Митя и я ехали на поезде, у мамы на руках был маленький ребёнок. В поезде объявили тревогу: «Воздух!». Наш поезд начали бомбить немецкие самолёты. Поезд остановился. Мы все побежали к лесу. Мама тоже бежала с ребёнком на руках. Упала бомба и убила ребёнка».

После этих рассказов мы, татарские ребята, «придумали» игру «*Воздух!*». Под осень 42-го ли, или ранним летом 43-го, мы любили играть на левом берегу речки «Шалькопи-чокыр», текущей за

школой (эта речка разделяет два Палагая – Большой и Малый). На крутых южных склонах холмов недалеко от речки росли отдельными рощицами ели и кусты можжевельника. Речка тогда была с очень чистой и очень холодной водой, в ней водилась рыба, и мы марлевыми бредешками ловили пескарей и солдатиков, которых потом жарили на костре. В омутках глубиной до нашей шеи мы любили купаться. Однажды кто-то из нас громко крикнул «*Воздух!*» (возможно, где-то недалеко пролетал самолёт). Вдруг наши русские друзья с громкими воплями и плачем побежали под полог елок, падая и почти проползая по траве. Нам это понравилось, и мы, деревенские татарчата, начали повторять нашу «шутку». Мы не понимали, насколько мы были бессердечны по отношению к эвакуированным детям! Наши жестокие игры прекратил Ильтузар Габдульхаевич, сын школьного директора, зачем-то пробежавший мимо нас. Он был на пять лет старше нас и уже довольно рослый мальчик. Поймав меня, он напинал меня пониже спины (правда, не очень больно) и закричал: «Что вы делаете, дураки! Они же под бомбёжками ехали к нам! Прекратите!»

Много лет спустя я узнаю от Риды Дмитриевны, что Аркадий Остроумов написал ей письмо из Ленинграда, но она почему-то не сказала мне об этом, наверное, не знала, что я несколько лет был знаком с ними и учился в школе вместе. Письмо Риды Дмитриевна не сохранила.

Банат Каюмовна Абашева была эвакуирована со своими детьми в начале войны из Украины. С её старшим сыном Мирсаитом Садретдиновичем (1936-2002) я учился с первого по десятый класс, второй сын Малик, 1940 года рождения, живёт сейчас в Глазове. Моя семья жила в школьном городке деревни Большой Палагай на золотаревском конце деревни. Мирсаид с мамой и младшим братом жили у своего деда Каюма Габидовича в середине деревни, примерно там, где сейчас стоят: дом Накипа Габбасовича, отца Надимы, и дом Назии Габдульхаковны (последние года работала продавщицей, в деревне её звали *Кибетче-Назия*; сейчас в этом доме живет её дочь Фания Маликовна со своим мужем Вадилем, сыном Нурзады Ясавиевича).

Дома Каюма Габидовича и Накипа Габбасовича имели общий двор. Каюм бабай 1865 года рождения был очень уж старым в те годы – ему было уже почти восемьдесят, он неизменно курил свой самосад, сидя у очень маленькой кирпичной печки с железными трубами, подведёнными в трубу русской печи. На коленях он постоянно держал небольшое корытце, в котором маленьким топориком рубил сухой табак, выращенный им самим. Меня поражали полешки к этой печке: очень короткие и мелкие, один к одному; дед на печке постоянно держал чайник с кипящей водой и поил нас горячим морковным чаем. Со слов Малика Садретдиновича, Каюм бабай умер в 1949 году.

Отец Мирсаида Садретдин Мухаметзянович Абашев с 1935 года служил в рядах РККА в городе Бердичеве Западной Украины на военном аэродроме и к началу войны с Германией имел уже офицерское звание «авиатехник». К нему приехала его семья – жена Банат Каюмовна с сыном Мирсаитом. В 1940 году у них родился второй сын Малик. В первые же дни войны С.М. Абашев сумел отправить свою семью в эвакуацию (уже под бомбёжками немецкой авиации – со слов Малика и по их семейным преданиям) и они вместе с эвакуированными из оккупированных немцами западных областей к началу 1942 года оказались в Юкаменском районе. Банат Каюмовну вместе с детьми определили на жительство в деревню Большой Палагай к её отцу, и они поселились у Каюм бабая.

Отцу Банат апы Каюму Габидовичу было уже 77 лет, маленькому Малику всего около двух лет, поэтому она в колхозе почти не работала, т.к. получала от мужа аттестат (денежное довольствие как жена офицера), да и в семье отца и деда им было, вероятно, жить сытнее – у Каюм бабая был приусадебный участок. Об эвакуированных в Юкаменский район я напишу в отдельной главе.

С.М. Абашев, муж Банат Каюмовны, после окончания Великой Отечественной войны остался служить (или его оставили) на каком-то аэродроме под Москвой, он там завёл новую семью и в Палагай не вернулся. Банат апа будет учить Малика и Мирсаита до завершения 10 класса одна. Связи с семьёй Садретдин Мухаметзянович, видимо, не терял. Он то ли приезжал в Палагай, из Палагая ли к нему ездили, я не помню. Но в старших классах семилетки (до 1950 года) Мирсаит приносил в школу большой камень фиолетового цвета (первоначально то ли засушенный, то ли отлитый из расплава), какой-то химический концентрат в виде каравая хлеба, который прислал ему отец из Москвы. Из кусочков этого вещества в школе разводили в четвертных бутылках фиолетовые чернила, настоящие; чернила эти мы заливали в стеклянные или фарфоровые (фаянсовые) чернильницы-непроливашки и писали перьевыми ручками в классе и дома. В годы войны в школе никаких чернил, даже и тетрадей не было. Писали мы на газетных и книжных листах перьевыми ручками, а у кого таких ручек не было, писали перьями, вырезанными из маховых гусиных перьев (сейчас скажу: как во времена А.С. Пушкина). Вместо чернил применяли свёкольный сок. Письмо

получалось очень бледным, красновато-фиолетового цвета. Тогда ещё не было шариковых ручек. Не у всех учащихся были даже обыкновенные ученические перьевые ручки.

У Мирсайта была очень старая, дореволюционного издания, книга с рецептами на все случаи жизни, например, как сделать взрывчатку из химикатов, которые имелись в химкабинетах школ, главное, как сделать детонатор для них. Правда, у нас с Мирсайтом хватило ума не заниматься взрывотехническими опытами и мы не попытались взорвать такое самодельное устройство, например, на Юкаменском сельском базаре (ссылка на события на Черкизовском ранке Москвы 21 августа 2006 года, унесшем жизни 14 человек)... Были рецепты, как сделать гектограф, и мы его сделали, начитавшись повести о С.М. Кирове “Мальчик из Уржума”.

Рецептура геля простая и доступная: желатин, глицерин и каолиновая пудра. Пудру мы не смогли купить, хотя теперь я знаю, что это тонко размолотая пудра из белой глины, которой в наших краях полно было на обрывистых берегах речек. Впрочем, можно было применить любую тонко растёртую глину любого цвета. На цвет бумажных копий они бы совсем не влияли, т.к. являлись бы только наполнителем рабочего раствора. Чернила для гектографа мы разводили из кусков того же “каравая”, только концентрированное.

В этой книге была рецептура чёрного пороха. Через многие годы, в 1962 г., когда я работал в Палагинской школе, я вспомнил состав этого пороха и применил его как горючее для запуска моделей ракет, только при приготовлении больше добавлял берёзового угля, иначе в замкнутом пространстве двигателя из папковой ружейной гильзы 20-го калибра, наше “ракетное горючее” вместо горения просто-напросто взрывалось бы.

Приспособление для набивки ракетных зарядов мне выточил колхозный токарь Ибрагим Мухамматшагиевич Касимов (1923 г.р.), токарь высшей квалификации, проработавший долгие годы на авиационном заводе в Перми и вернувшийся домой по болезни. Набивное устройство представляло собой разборную систему, похожую на короткоствольную гаубицу с толстостенным “стволом”. Набивку двигателя модели ракеты из папковой ружейной гильзы 20 калибра я производил один без ребят в закрытой физлаборатории и никому из детей эту работу не доверял. Тогда ракетное моделирование было очень модным после первого полёта человека в космос – первого космонавта Земли Юрия Алексеевича Гагарина 12 апреля 1961 года.

С Мирсайтом мы закончили Юкаменскую среднюю школу, правда, он учился в классе с индексом “А”, то есть в национальном удмуртском классе, я со своими одноклассниками из Палагая (Флюрой Зяновной, Исмагилом Сулеймановичем, Геркой Измествьевым и Магсумой Хафизовной) учился в классе с индексом “Б” – так называемом “русском” классе, хотя в нашем классе учились и русские, и удмурты, и татары. В классе “А” программа, как нам говорили, была облегчённой: им меньше давали по программе русскую литературу и что-то ещё. Кроме того, для учащихся-удмуртов преподавали удмуртский язык и литературу (Мирсайт уроки удмуртского языка не посещал).

Мирсайт был очень изобретательным парнем, мы с ним делали самодельные пистолеты-поджиги из латунных трубочек, происхождение которых для меня по сю пору остаётся загадкой. Они, эти трубки, в начале 50-х годов прошлого столетия, могли быть срезаны только из колхозных тракторов и комбайнов...

Убойная сила поджигов, заряженных с дула головками спичек (редко настоящим чёрным порохом), была очень большой. Например, пуля от мелкашки (извлечённая из патрона мелкокалиберной винтовки) на расстоянии в 10-15 шагов пробивала 25 миллиметровую доску. За годы учебы в школе только у нашего друга Рафки Гагарина поджига разорвалась в руке и он на всю жизнь получил в мякоть правой ладони свинцовую дробинку (а мог потерять и глаз).

В 9-м, 10-м классах мы с Мирсайтом “проектировали” пистолет или револьвер для стрельбы из мелкокалиберных патронов. В школу мы ходили от одного до шести раз в неделю (смотря какая погода и сезон года). До школы в Вежеево за Юкаменском было около 14 км, за 2,5 – 3 часа пути о чём только не переговоришь! Конструкция однозарядного револьвера нами была задумана до мелочей, к счастью только умозрительно. Был бы у нас был доступ к токарному станку по металлу и слесарным инструментам, мы, точнее, Мирсайт, обязательно воплотили бы проект в металле.

В 1980-е годы, Мирсайт, переезжая в Глазов, на мотоцикле привёз аж из Красноярска недостроенную шлюпку, которую достраивал уже здесь. Правда, я ни разу не увидел его мечту на плаву. В Западном посёлке Глазова он почти один построил добротный дом. Используя систему блоков и домкратов, он поднимал по наклонным слегам брёвна сруба один!

Школу он закончил в 17 лет. До армии успел закончить лётную школу в Ижевске. Я читал его характеристики, выданные его инструкторами, в которых отмечается, что Абашев М.С. был очень дисциплинированным курсантом, летает грамотно, целеустремлённо. К сожалению, перед

поступлением в военное лётное училище медицинская комиссия обнаружила у него аритмию сердца и он не прошёл.

Уровень подготовки в “А”-шном классе был тоже очень высоким: с “А”-шником Толей Веретенниковым мы вместе поступали в Уральский политехнический институт в Свердловске на физико-технический засекреченный факультет. Нас туда не приняли, хотя наши “баллы” были вполне проходными: например, у Толи было 26 баллов из тридцати – мы сдавали экзамены по шести предметам. Мы с Вадимом Злобиным (Толя и Вадим были из удмуртских семей, по другим источникам Вадим был из русской семьи) набрали около 24-25 баллов каждый; мне, например, помешали анкетные данные моих родителей: у них были репрессированные Сталином в тридцатые годы прошлого столетия близкие родственники (у папы в 1938 г. расстреляли отца, у мамы два её старших брата были репрессированы: старший был арестован в 40-м году и расстрелян в 42 г. в Москве же, младший дядя отсидит 10 лет на Колыме с 1937 г. и ещё 10 лет до XX съезда КПСС будет в ссылке в Сибири).

“Вы не прошли по конкурсу!” - сказал нам зам. декана физико-технического факультета УПИ и предложил нам “Год-другой поработать на известном вам новом заводе в Глазове”. Правда, к нашему слабому утешению, не прошёл “по конкурсу” и юноша-еврей, набравший 29 баллов и имевший одну четвёрку по русскому письменно. Подробнее об этом потенциальный читатель сможет прочитать в моей рукописи “Генеалогия семьи Галеевых”. Бывают же удивительные встречи: в рейсовом автобусе Юкаменское-Глазов весной 2012 г. я встретил внучатую племянницу Толика Надю, уже пенсионерку, которая рассказала мне, что отец мамы Толи Татьяны Тихоновны в 30-х годах был репрессирован и его отправили (сослали) на лесоразработки на север Свердловской области. Возможно, репрессированные родственники были и у Вадима Злобина.

Нас тогда удивили списки принятых: учиться на физтех – секретный факультет – был зачислен русский абитуриент с 18 баллами, которому мы на всех экзаменах писали “шпоры” - как выходцы из вятской глубинки - мы понятия не имели о конкурентной борьбе во время экзаменов. После приёмных экзаменов мы все трое приехали в Молотов (так тогда назывался город Пермь), вместе потом учились в Пермском сельскохозяйственном институте и закончили его в 1958 году.

После 1953 года семья Мирсаита воссоединилась: его отец приехал домой, оставив вторую жену в подмосковье; все они вчетвером переедут жить в Глазов. Мирсаит женится ещё до армии (тогда призывали на три года службы с 19 лет), у него и Тамары ещё до призыва в армию родится дочь Наташа. Мирсаит после армии закончит техникум, поступит работать на Чепецкий механический завод, потом они переедут жить и работать на родственник ЧМЗ завод в Красноярск, откуда Мирсаит, после выхода на пенсию в Красноярске, приедет в Глазов с сыном Гельфандом уже без Тамары (жены), долго ещё проработает на Чепецком механическом заводе и умрёт в Глазове осенью 2002 года.

У меня есть выписки из похозяйственных книг Палагинского сельсовета Юкаменского района разных лет по деревне Большой Палагай

За 1935 год [13]:

Абашев Садри Мухаметзянович,	1911 –	в 1935 г. в армии
Абашева Банат Каюмовна	1910-	-
Мухаметзян Сафиевич, отец,	1860 -	
Фарица Валиулловна, мать,	1864 –	

За 1946 -1948 гг. [14]:

Абашев Каюм Габидович,	1865 – [1949]	Дом - 1930
		Хлев – 1930
		Сарай – 1930
		Баня – 1937

Банат Каюмовна,	1911 –
Мирсаит,	1936 – [2002]
Малик,	1940 –

У Каюма Габидовича был сын

«Абашев Хамитулла Каюмович, род. 1923, д. Палагай. Призван в Сов. Армию в 1942. Рядовой. Пропал без вести в 1942». Из «Книги Памяти Удмуртской Республики. Ижевск. 1994». Стр. 291.

Ещё один архивный документ из личного архива доцента ГГПИ, кандидата исторических наук Дианы Габдулловны Касимовой (это метрическая тетрадь Палагинской соборной мечети на 1911 год) (15):

Палагай. Отец – крестьянин Махмудзян Махмудсафа Абашев улы, мать – Фариза Валид Абашев кызы, 9.09.1911г. у них родился сын Сур-ал-етдин.

Возможно, имя Сураддин или Суралэтдин не совсем точно прочитано и переведено: в арабском алфавите нет гласных, а в рукописном письме арабским шрифтом могут быть поставлены лишние точки или черточки в буквах, и наоборот, они могли быть пропущены, и поэтому имя Садретдин прочитался как Сураддин. А может быть, и такое: из-за болезни ребёнка родители ему дали второе имя, чтобы злой дух болезни «**чир**» запутался и не нашел мальчика с его настоящим именем (у татар замена имени болезненного ребенка в детском возрасте обычное явление)...

Выше я попытался показать, в какие нормальные условия во время войны попала семья Банат Каюмовны Абашевой, оказавшейся у себя на родине в доме у родного отца. Это не одно и то же, что было у эвакуированных в таёжную глушь и дикую страну, по их столичным представлениям о нас, коренных жителей далёкой неведомой для них Удмуртии, попавшим в иноязычную среду (удмуртскую и татарскую).

Эвакуированные семьи были распределены по колхозам, а люди с образованием – в основном преподаватели ВУЗов и учителя - оставлены в Юкаменском, Пышкете, Палагае, Ежеве, других деревнях - они работали в школах и учреждениях.

1942 – 1943 учебный год.

Список эвакуированных учителей по Юкаменскому району Удмуртской АССР на конец 1942 года (29.10.1942) [16].

- 1. Раменская Валентина Яковлевна**, 1914 года рождения, русская, Ленинградский педагогический институт, преподаватель литературы и русского языка в Палагинской средней школе, эвакуирована из г. Торжка Калининской области, работала в школе слепых г. Торжка, семьи нет.
- 2. Гельфанд Яков Самуилович**, 1904 г.р., еврей. Окончил Ленинградский университет, преподаватель литературы и истории Юкаменской средней школы, Эвакуирован из г. Луга Ленинградской области, семья: мать, отец.
- 3. Дмитриева Ирина Аркадьевна**, 1919 г.р., русская, окончила Ленинградский университет. Преподаватель литературы и истории Юкаменской средней школы. Эвакуирована из Ленинграда, училась в Ленинградском педагогическом институте, семья: сын.
- 4. Быкова Надежда Григорьевна**, 1917 г.р., русская, студентка Ленинградского педагогического института. Преподаватель физики и завуч Юкаменской средней школы, эвакуирована из г. Ленинграда. Семья: дочь, мать и 2 тётки.
- 5. Розанов Владимир Сергеевич**, 1888 г. р., русский, окончил Ленинградский государственный университет. Преподаватель физики, химии, математики Юкаменской средней школы. Эвакуирован из г. Ленинграда, работал там ассистентом физ.–военно–механического института, семья: жена, мать жены и 2 племянника.
- 6. Ходенкова Надежда Фёдоровна**, 1912 г. р., белоруска, закончила Витебский зооинститут, преподаватель биологии Юкаменской средней школы. Эвакуирована из Западной Белоруссии, работала в Брестско-литовской НСШ. Семья: дочь, сын, [неразборчиво – деверь? – А.Х.].
- 7. Гречушниковая Евгения Романовна**, 1904 г.р., русская, окончила Ленинградскую консерваторию, преподаватель французского языка в Юкаменской средней школе. Эвакуирована из Ленинграда, не работа [конец слова неразб. – А.Х.], семья: дочь, сын.
- 8. Соловьёва Таисия Яковлевна**, 1915 г.р., русская, Ленинградский институт иностранных языков, преподаватель немецкого языка в Юкаменской средней школе. Эвакуирована из г. Тулы, училась в Ленинградском институте иностранных языков. Семья – [в документе просто прочерк – А. Х.].
- 9. Благонравова Мария Николаевна**, 1890 г.р., русская, Новоторжская женская гимназия, преподаватель в Жуковской начальной школе. Эвакуирована из г. Торжка Калининской области, работала в школе в г. Торжке. Семья – [прочерк – А.Х.].

10. Лаврова Нина Николаевна, 1898 г.р., русская, Тверское епархиальное училище, преподаёт в Сидоровской начальной школе. Эвакуирована из г. Торжка Калининской области, работала в НСШ слепых в г. Торжке. Семья: муж, сын, дочь

11. Степанова Ксения Васильевна, 1897 г.р., русская, окончила: 1) Ленинградский педагогический институт им. Герцена, 2) Ленинградский горный институт, 3) учится в Молотовском государственном университете. Работает школьным инспектором Юкаменского РОНО. Эвакуирована из г. Ленинграда, работала 1) инструктором гор. Стат. Бюро, 2) в издательстве Академии наук СССР, семья – [прочерк – А. Х.].

12. Дюков Иван Алексеевич, 1891 г.р., русский, учился в Калининском педагогическом институте, работал и.о. директора НСШ в Пышкетке, преподаёт естествознание. Эвакуирован из г. Торжка Калининской области, работал в НСШ слепых. Семья – [прочерк – А.Х.].

13. Дюкова Нина Николаевна, 1902 г.р., русская, Калининский учительский институт, преподаватель математики Пышкетской школы, эвакуирована из г. Торжка Калининской области, раб. в школе слепых в г. Торжке. Семья – [прочерк – А. Х.].

29 октября 1942 г.

Зав. Районным отделом народного образования п/п **А. Новокрещенов**

Кроме учителей были и другие специалисты народного хозяйства, эвакуированные из западных областей СССР, конечно, их было гораздо больше, возможно, я, работая в местном архиве, не смог их найти, ибо я в основном работал с архивными материалами, относящимися к работе районного отдела народного образования (Юкаменского РОНО).

В этом списке из тринадцати эвакуированных семь семей из г. Ленинграда.

Для читателя я выписал справку из энциклопедического словаря Мефодия, электронная версия 2009:

Санкт-Петербург основан в 1703 Петром I. В 1712-1728 и 1732-1918 столица России. В Санкт-Петербурге (Петрограде) произошли Февральская революция и Октябрьская революция. В годы Великой Отечественной войны город выдержал 900-дневную осаду немецких войск (смотри Ленинградская битва). В 1945 ему присвоено звание города-героя.

Весной 1942 года в нашем доме в Палагае жила эвакуированная польская девушка по имени Ядвига. По малости лет я не помню, когда её поставили к нам на жительство, не помню, работала ли она тогда в Палагае. Я её запомнил вот по какому случаю. Почему-то я зашёл в чулан-веранду, пристроенную к сенкам нашего дома с южной стороны. Наверное, был конец мая или начало июня 1942 года, погода была уже тёплой и Ядвига жила на веранде. Я не запомнил, когда к ней приехал высокий молодой человек в военной форме без погон, в какой-то смешной фуражке с квадратной тульёй - верхом – (вероятно, в военной польской форме). Почему-то запомнилось, как они сидели, крепко обнявшись: он сидел у неё на койке, она сидела у него на коленях... Ядвига уехала с этим молодым человеком; потом мама объяснит мне, что они уехали воевать с немцами в польскую армию (возможно, через Иран в Лондон; см. мою публикацию в Юкаменской газете «Знамя Октября» от 20 сентября 2011 г. Галеев А.Х. «Эвакуированные» в рубрике «Годы войны». Авторское – «Эвакуированные в годы войны в Юкаменском районе»).

Из вышеприведённого списка учителей я лично знал двух человек: **Раменскую В.Я., Гельфанда Я.С.**

Валентина Яковлевна Раменская жила у нас на квартире в 1943 году. Она меня учила русскому языку: «Валентина Яковлевна! Дайте мне, пожалуйста, почитать журнал «Мурзилку!». Она садила меня за стол и просила меня прочитать вслух русский текст, поправляя мое неправильное произношение русских слов, и заставляла переводить текст на русский язык. Конечно же, если мама была дома, я постоянно бегал к ней за помощью. Валентину Яковлевну я запомнил ещё по одному случаю, происшедшему летом 1943 года.

Летом 1943 года мой второй старший брат Равиль поднимал чёрные пары в урочище «Поршай» на палагинских полях (в километрах в 2-х - 2,5-й от нашего дома), я ему каждый день в бидоне носил обед – суп - постный – это сваренная болтушка из ржаной муки с молодыми картошкой, морковью, зелёным луком и заправленный какой-нибудь травой (осот полевой, её полно было в огороде, крапивой, свербигой, борщевиком и с какими-то ещё другими травами, сбор которых был моей обязанностью все военные годы и послевоенные до окончания мною семилетки в Палагае в 1950 году). Я помню, как он шёл за железным плугом, запряжённой лошадей, и его

мотало в борозде, силёнок у него было маловато, ему тогда ещё не было даже 15 лет (он родился в ноябре 1928 года).

Собиралась гроза, и я думал до грозы успеть отнести ему обед в поле. То ли я задержался, то ли гроза началась раньше, но не успел пройти по тропинке до конца огорода, как сверкнула молния, и раздался сильный раскат грома, одновременно со вспышкой молнии. С испуга я аж присел на землю. Тут же начался сильный ливень, и я был вынужден вернуться домой. В доме пахло гарью, и почти ничего не было видно от густого дыма. Мама, встретившая меня в дверях с маленькими девочками на руках, сказала, что в дом попала молния и, наверное, дом уже горит. Я, взяв от неё на руки сестрёнку Гульсум, вышел вместе с мамой во двор. Как потом рассказывала мама, сразу же после вспышки молнии и раската грома, в доме появился густой дым, запахло гарью. Валентина Яковлевна была дома. Она сразу же сказала маме, чтобы она взяла на руки малышей и вынесла их во двор подальше от дома, потом, говоря вслух: «Мы и не такое видали при бомбёжках!» - взяла в руки горшки с домашними цветами и пошла в угол, откуда, как казалось, шли клубы дыма. Молния ударила в дом по радиопроводке, разбила в щепки доску перегородки, на которой на гвоздике висел радиорепродуктор – чёрная тарелка - расщепила конец половицы у стены дома и ушла в подполье. К нашему счастью, пожара не было. Вечером Равиль показал мне в подполье довольно большое отверстие, какое сделала молния, уйдя в землю.

Когда уехала Валентина Яковлевна, я не помню, вероятно, весной 1944 года. После войны мы из ее письма узнали, что она живёт в Ленинграде, работает в школе, семьи у неё нет. Она немного переписывалась с мамой, но, к сожалению, её письма не сохранились. В конце 1970-х годов к ней заезжала моя старшая сестра Асия, в беседах Валентина Яковлевна вспоминала меня: «Как там живёт мой Азат?». В Ленинград я заезжал в 1978-м и в 1983-м годах в гости к свояку младшего брата Ильдуса, полковнику ГРУ Мавлюту Зиннатовичу Абашеву. Каждый раз всего на сутки, точнее, на день, в обе поездки хотел съездить к Валентине Яковлевне, её адрес у меня был, но *почему-то* не нашёл времени побывать у неё. В очередной приезд в Ленинград в августе 1989 года, тогда мы были там полную неделю, заезжать было уже не к кому: Валентина Яковлевна уже умерла. Это *почему-то* всю жизнь у меня вызывало комплекс вины перед нею, и только в последние годы я оправдал себя тем обстоятельством, что я был представителем *детей войны*, оставшимся после мобилизации папы на фронт в 6-летнем возрасте. Это *почему-то* заключалось в том, что, наверное, под осень 43 года, я взял (украл!) несколько копченых рыбок из ее продуктовой посылки и тайком съел, спрятав свою «добычу» в сеновале.

После Валентины Яковлевны к нам поселили эвакуированных из Ленинграда семью из трех человек: Фаину Хаимовну (правда, фамилию ее не помню, не уверен, правильно ли вспомнил ее отчество) с сыном Борисом 17 лет, и дочерью Людмилой 15 лет. У Бориса был туберкулез в открытой форме, я уже не знаю, из каких соображений эту семью подселили к нам, ведь у мамы на руках остались после папы шестеро детей мал-мала меньше: старший Тавис, к моменту подселения этой семьи ему было 17 лет, Равилю было 15, Асие – 12, мне – 9, Розе – 5, маленькой Гульсум, родившейся через неделю после отъезда папы на войну – 3 годика. Наш дом, построенный папой и заселенный в 1940 году, был очень большой, в 9 окон размерами 7 на 8 метров, да еще была 8-й после мамы бабушка 68 лет. Тогда я еще не знал, чем болел Борис, только я помню, что весь год, который они прожили у нас до лета 1945 года, он никогда на улицу не выходил, все время подкашливал, держа в руках бутылочку, в которую он плевал. Очень хорошо помню, что всем нам, детям, мама строго-настрого запрещала подходить к Борису и не пользоваться посудой, из которой он ел и пил. Людмила была веселой девочкой, после школы она затевала игры с нами на дворе, звала нас во двор с веселым криком: «Айда, будем прыгать с парашютом!». Мы с нею прыгали с крыши крыльца с зонтиком, который они привезли с собой, в глубокий сугроб. В этой семье, вероятно, тоже выписывали «Мурзилку», и тогда я впервые с помощью Люды прочитал поэму «Бибигон», который из номера в номер печатался там и очень переживал за судьбу героя, попавшего на Луну по воле автора (К.И. Чуковского).

Ближе к весне во дворе детдома я подобрал толстенького щенка и только разве не спал с ним в одной постели. Тогда я уже научился хорошо читать. Люда дала мне почитать книгу Рувима Фраермана «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви». Едва ли я тогда понял это лирическое, полное душевной теплоты и света произведение о товариществе и дружбе, о нравственном взрослении подростков, но своего щенка я называл именем «Динго».

Весной, когда дороги уже подсохли, эта семья уехала в Ленинград, ехали они на запряженной лошадей колхозной телеге, мы их проводили до реки Убыти, до моста через него, и я шел за ними и

горько плакал: меня уговорили подарить моего щенка Динго Борису, объяснив мне, что его будут лечить собачьим жиром, когда она, собака, вырастет. К счастью всех нас страшная болезнь Бориса на никого из нас, детей, не перешла.

Но лет через десять, уже в институте, при плановой рентгеноскопии грудной клетки врач спросил меня, были ли у меня контакты с туберкулезными больными. Я ответил, что да, были, и рассказал ему о Борисе, жившем в нашем доме в конце войны. Рентгенолог мне объяснил, что у меня остались признаки заражения туберкулезом в виде незначительного обызвествления корней бронхов, и, к моему счастью, сказал он, процесс болезни у меня остановился, и что теперь я, заверил он, никогда не заболел этой страшной болезнью. Весьма возможно, что и у остальных моих братьев и сестер остались такие следы, но впоследствии никто из нас не заболел.

Из эвакуированных в Юкаменский район я хорошо запомнил **Якова Самуиловича Гельфанда**, в 1943-1944 учебном году работавшем учителем истории в Палагинской средней школе. Тогда Юкаменского детдома в деревне ещё не было, переведут его к нам только летом 1944 года. Я.С. Гельфанда я запомнил как уже пожилого человека, небольшого роста, худого мужчину с буйной седеющей шевелюрой на голове. Долгие годы спустя я увижу портрет Эйнштейна, и почему-то этих двух людей буду представлять себе как одно и то же лицо. Видимо, что-то было общее в портретах этих двух евреев, то есть они были очень похожи друг на друга.

С Яковом Самуиловичем весной 1944 года в Палагае произошёл смешной инцидент, связанный с его религией иудаизмом, которой он придерживался, вероятно, в жизни. Этот учитель, скорее всего, был приходящим на работу из Юкаменского, чтобы провести уроки. Обедал он у учителя Габдулхая Хузяхметовича Абашева, работавшего тогда директором Палагинской средней школы. На каких условиях он питался в довольно большой семье Абашевых, я не помню.

Как-то рано весной русские мужики из Красногорского района привезли на продажу мясо выбракованной лошади, я это хорошо запомнил, потому что Палагинские татары опасались покупать мясо, зарезанное не по мусульманским обычаям. Тогда одна старая татарка, которую в деревне называли *Казан аби* (их семья переселилась к нам из Казанской стороны в начале 1920-х годов) и она считалась весьма сведущей в мусульманской религии, поднялась в кузов машины, взяла в руки нож и, проделав им какие-то пассы над мясом с чтением молитв на арабском языке, объявила, что теперь это мясо можно кушать. Мама тоже купила это мясо.

Обеда в очередной раз у Абашевых, Гельфанд спросил, с каким мясом сварен суп. Старший сын хозяина Ильтузар, ему уже было 14 лет, не подумав сказал, что это конина. Гость немедленно перестал кушать и, обиженный на хозяев за то, что они кормили его не разрешённом иудаизмом мясом, немедленно покинул этот гостеприимный дом. Ильтузар конечно же не знал, что евреи не едят конину, считая её запретной (не кошерной), да и вряд ли он знал тогда, что Гельфанд Яков Самуилович еврей по происхождению.

Как рассказывала много лет спустя мама, Яков Самуилович на обеды напросился к нам. В нашей семье суп варили только на ужин (я тоже придерживаюсь такого распорядка питания до сих пор). Мама, придя домой после работы в школе, объявила, что сегодня к нам в гости придёт учитель, еврей по национальности, и крепко предупредила нас, чтобы мы не проговорились при нём, с чем был сварен суп: это было то же самое конское мясо, из которого варили суп Абашевы. Вот тогда я впервые увидел этого учителя, и он мне впоследствии портретно ассоциировался с великим учёным Эйнштейном. Тогда он запомнился мне очень пожилым, даже старым мужчиной, но, прочитав архивные документы в конце девяностых прошлого столетия, узнал, что весной 1944 года ему было всего около сорока лет.

Вместе с эвакуированными в Юкаменский район приехали осиротевшие дети из тех же западных областей СССР, и, несмотря на все трудности военных лет, в феврале 1942 года в деревне Вежеево, в школьном городке, был открыт Юкаменский детдом.

Комиссия, обследовавшая Юкаменский детдом 15-16 июля 1943 года, написавшая «Акт обследования» детского дома в объёме полной школьной тетради, записала, что в детдоме воспитывались 103 детей, в том числе эвакуированных – 54, но ни одной фамилии, имени и отчества директора детдома, воспитателей и остальной obsługi, не написала (см. **ГА. Ф. 184, оп. 1, д. 34, лл. с 3 до 14 об.**). Текст этого «Акта» я привожу ниже в главе, посвящённой истории детского дома. Судьбы эвакуированных граждан и осиротевших детей, так же эвакуированных в 1942-1943-х годах, тесно переплетаются.

В небольшом деревянном домике, перевезённом летом 1944 года из какой-то деревни на площадку рядом со зданием школы и всего в метрах ста от нашего дома, жила воспитательница

детдома со своей маленькой дочерью Наташей . Я у них часто бывал, Наташа была мне ровесницей или немного моложе меня. Она мне очень нравилась, я постоянно напевал на мотив какой-то детской песенки

Наташа, Наташа, Наташа-а-а,
Наташа, Наташа, Наташа...

И так без конца и начала и без других слов. Эту голубоглазую слабенькую девочку я готов был защищать от всех врагов, в первую очередь от ненавистных всем нам немецких фашистов... Дома старшие надо мной смеялись, говоря, что наш Азат влюбился, и мы его скоро поженим, я не обижался на них. В небольшом домике размерами до 5,5 на 5,5 метров, где они проживали, не было никакой одежды, посередине дома стояла большая русская печка, небольшой стол и железная койка. Видимо, они тоже были эвакуированные, когда они уехали из Палагая, я не помню.

Почему-то эту воспитательницу я считал первым директором, что звали ее **Надежда Федоровна Ходенкова**, но в документах, которые я обнаружил уже сейчас (правлю текст в. 2013 году), организатором и первым директором Юкаменского детского дома была **Ольга Антоновна Гаврилова**.

После издания своей первой книги осенью 2012 года, куда я включил полный текст своей рукописи «**Эвакуированные в Юкаменский район в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов и Юкаменский детдом в деревне Большой Палагай Юкаменского района Удмуртской АССР в 1944-1959 гг.**», я подарил свою книгу Тамаре Федотовне Невоструевой, учительнице-пенсионерке из села Пышкет Юкаменского района. С Тамарой и ее братом Виктором я учился в Юкаменской средней школе, правда, они окончили ее в 1952 году, а я – позже на год в 1953-м, а с Виктором мы учились в Пермском сельхозинституте, он так же учился на год старше меня. Тамара меня поправила, что Надежда Фёдоровна директором детдома в те годы не могла быть, так как она с самого начала эвакуации и до отъезда в Белоруссии в 1945 году, проработала в Пышкетской семилетней школе. Тамара послала мне фотографию Н.Ф. Ходенковой и ее письмо, написанное отцу Тамары Федоту Петровичу, директору Пышкетской семилетней школы, после возврата в Белоруссию. Отрывки из ее письма привожу ниже.

16/VI-46 Горки. 18 мая 1946 г.

Здравствуйте, многоуважаемый Федот Петрович!

Письмо Ваше, за которое очень благодарна, получила 7 апреля, а ответить, как видите, собралась через месяц – была страшно перегружена работой. Надеюсь, что за это извините.

Очень рада всякой весточке из Удмуртии Вашему подробному письму, в котором Вы описываете жизнь Пышкета, особенно, тем более, что за последнее время почему-то замолчала Анистья Сергеевна.

Когда я читаю письма из Удмуртии, то мне так и вспоминаются Юкаменск и Пышкет и всё, что пришлось пережить. И знаете, всё плохое забывается, и вспоминается только всё хорошее - такова уж психология человека. Очень хотелось бы побывать у вас и повидаться со всеми знакомыми, с которыми общее горе крепко сроднило. Но желание это в настоящее время невыполнимо, придётся довольствоваться письменными сведениями, а потому прошу – пишите подробнее и обо всём, потому что я хотя и надолго оторвалась от Юкаменской жизни, но очень интересуюсь ею и всеми происходящими событиями. Председателям колхозов передайте от меня горячий привет и благодарность за память обо мне. Скажите им, что я о них не забыла, ведь работали вместе почти два года, так разве можно забыть это.

На следующих страницах своего письма Надежда Федоровна пишет о своих детях, делится их успехами в учебе, пишет о том, как в Белоруссии восстанавливаются колхозы и предприятия. Пишет, что при сельхозработах на полях погибает много колхозников на полях от взрывов мин и снарядов, оставшихся после боев.

Ольга Антоновна Гаврилова, женщина с трагической судьбой. Была ли она из эвакуированных, я не знаю. В фондах Глазовского архива, которые я изучал, её имени тогда я не нашёл. Но так как я её знал лично, я о ней напишу подробнее ниже, описывая жизнь детдома по своим личным впечатлениям. Буквально сегодня, 18 августа 2013 года, я в Википедии открыл диссертацию (на правах рукописи) на соискание ученой степени кандидата исторических наук Ложкиной Ирины Александровны:

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ-СИРОТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ДЕТСКИХ ДОМОВ И ИНТЕРНАТОВ УДМУРТСКОЙ АССР. ИЖЕВСК – 2010).

Привожу выборочно выписки из диссертации, которые относятся к Юкаменскому детскому дому в указанный период времени:

Несмотря на все трудности в феврале 1942 года начал работать Юкаменский детдом. За короткий промежуток времени О.А. Гаврилова (директор детского дома все военные годы) смогла создать хорошую хозяйственную базу учреждения, правильно организовать в детдоме воспитательно-образовательный процесс. В итоге в 1942 г. коллектив воспитателей занял первое место среди республиканских детдомов по учебно-воспитательной работе. <...> В 1943 году в хозяйствах детдомов республики появились коровы, лошади, овцы. <...> В 1943 году начали разводить кроликов в Вавожском, Дебесском и Юкаменском детдомах.

В диссертации И.А. Ложкиной Юкаменский детдом больше не упоминается, так же нет в последующем тексте упоминания имени Ольги Антоновны Гавриловой, первого директора детдома, и последующих директоров детдома, работавших после 1945 года.

Продолжаю рассказ об эвакуированных, работавших в Палагае в годы войны.

По рассказам старшего брата Тависа я запомнил имя учителя математики Розанова Владимира Сергеевича. Он очень высоко отзывался об этом учителе математики и физики, который брата учил в 9 классе в 1943-1944 учебном году. Брат в разговорах всегда подчёркивал, что Розанов был профессором. Со слов брата: Владимир Сергеевич почему-то не стал возвращаться в Ленинград и остался жить и работать в Сарапуле. Много лет спустя, в конце 1990-х годов, в фондах Глазовского архива я выписал сведения о нём (полный список эвакуированных учителей читайте в первой книге):

1. Розанов Владимир Сергеевич, 1888 г.р., русский, окончил Ленинградский государственный университет. Преподаватель физики, химии, математики Юкаменской средней школы. Эвакуирован из г. Ленинграда, работал там ассистентом физ.-военно-механического института, семья: жена, мать жены и 2 племянника.

Он был, скорее всего, приходящим из Юкаменского учителем. Вероятно, по своему малолетнему возрасту я совсем не запомнил этого человека.

В 1943-1944 учебном году инспекторами Юкаменского РОНО проводились проверки работы средних и неполных средних школ района. Я сделал выписки по Палагинской средней школе (Глазовский архив. Ф. 184, оп. 1, д. 37):

Раменская В[алентина] Я[ковлевна] – завуч школы, [побывали на уроке] рус[ского] язык[а] [в] 5-в [классе]

Жуйкова Е.Н. – класс[ная] рук[оводительница] - 6-а кл.

Чиркова З. Гр. – русс. язык – 6-в кл.

Караваев Ф.Е. – кл. рук.

Сидорик А. Ил. – кл. рук., зоология

Ямангулова [Гайша Фаисламовна] - история – 7-в кл.

Розанов [Владимир Сергеевич] - 7-в кл., 9 кл. химия <...> на уроке [химии в 9-м классе] опрошены уч-ся <...> Галеев Т. [Х.] – 5 [оценка за ответ - «пять» - А.Х.]

Ниже строка из другой справки, отсюда я выписал только те строчки, в которых было написано о маме

<...> Галеева Х[амида] С[унгатулловна]: - 4-е и 2-е классы. Проверяли: 4 класс – [урок] русс[кого языка], 2 кл. - [урок] ариф[метики]. Выводы: урок проведён правильно <...>.

Примечание: Сидорик А. Ил. – сын (или дочь) Юкаменского фельдшера (врача) Ильи Фомича Сидорика. Моя мама Хамида Сунгатулловна Галеева всю свою жизнь с особым почтением рассказывала об Илье Фомиче, особенно мамой отмечались его многогранность в работе: он принимал роды, лечил все виды болезней и мог лечить зубы,. Она никогда не забывала говорить мне, что моим восприимчиком так же был он (наверное, и других моих братьев и сестер принимал он же)...

В фондах Глазовского архива имеются списки военруков в средних и семилетних школах района (Глазовский архив. Ф. 184, оп. 1, д. 34, лист 26).

Список военруков Юкаменского района (на осень 1943 года, извлечения по Палагинской школе). О школе: Палагинская С.Ш. – количество учащихся 311, классов – 12.

Зав. Юкаменским РОНО - п/п - А. Новокрещенов.

В Палагинскую среднюю школу назначены военруками:

1). Недомолкин Игорь Александрович: образование 8 классов, занимается с 5 - 7 классами, месячная ставка 243 рубля, ставка военрука – 200 рублей.

2). Прокошев Виктор Васильевич, образование 6 классов, занимается с 8 – 10 классами и в 5 – 7 классах, месячная ставка - 261 руб. в 8 – 10 классах и 243 рубля – в 5 – 7 классах [18]

Зав. Юкаменским РОНО - п/п - А. Новокрещенов.

Возможно, с Игорем Александровичем связаны мои детские воспоминания 44-45 годов прошлого столетия. Летом 1944 года в Большой Палагай перевели Юкаменский детский дом с сохранением названия «Юкаменский детдом». Наш дом тогда стоял довольно далеко от домов колхозников за школой. В трёх школьных домах, построенных недалеко от нашего дома и детского дома (здания школы), поселились директор и служащие детдома. Тогда в моём окружении не оказалось деревенских детей моего возраста. Поэтому до окончания семилетки в 1950 г. я постоянно общался с детдомовскими мальчиками и всё своё свободное время играл с ними во дворе школы и внутри здания детдома (в спальнях, коридорах и Красном уголке).

Очень скоро мы (я и воспитанники детдома, мои ровесники) нашли ещё одно место для игр: с заднего фасада школы на крышу была прикреплена очень высокая металлическая лестница, по которой мы стали лазить на чердак школы. Чердак освещался через деревянные, когда-то остеклённые фонари, в полусумраке чердака было очень уютно, мы там играли в прятки, о чём-то секретничали, иногда курили табак (завертывая бумажные сигарки из табака, вышелушенного из собранных на улице окурков), зная, что к нам взрослые не поднимутся.

Начиная с осени 1943-го года в Палагай приезжал из Юкаменского высокий худой молодой человек, о котором говорили, что он назначен учителем в Палагинскую среднюю школу (до весны 1944 года – до переезда Юкаменского детского дома в Большой Палагай – школа была еще средней школой), может быть, его приезды (скорее, приходы – в те годы никакого автобусного сообщения ещё не было, тогда по Юкаменскому тракту не чаще одного раза в неделю проезжали автомашины ГАЗ-АА и ЗИС-5), были связаны с назначением его военруком и физруком в среднюю школу. Возможно, это был И.А. Недомолкин. Я его запомнил еще и потому, что он остался у меня в памяти как человек с малокалиберной винтовкой в руке.

Внутри чердака жили голуби, которых он отстреливал из этой винтовки, говорили, что он ими питается. Очень часто убитые голуби падали на крышу школы, и мы их сбрасывали на землю. Мы – это я и детдомовские мальчики примерно моего же возраста (нам было около 9 лет – это уже летом и осенью 1944 года). Мы совершенно не боялись высоты, свободно бегали босиком по крыше. Школьная крыша была дощатой, вся заросшая плотным слоем лишайников, поэтому для босых ног была совершенно не скользкой. Например, пробежав наискось вниз, мы с ходу залетали в открытые проёмы фонарей, стёкол на их рамах не было.

После войны, наверное, уже весной 1946-го или 47 года, папа купил мне ботинки с подошвой из микропористой резины. Как-то, забравшись на крышу, я побежал по коньку, ботинки мои соскользнули и я начал падать, но к счастью, успел зацепиться за конёк и тем спасся. Тогда я очень сильно испугался, мои путешествия на крышу после этого прекратились, и я на всю жизнь получил страх перед высотой. Уже взрослым, бывая по работе на строящихся зданиях, я никогда не подходил ближе 2-3 метров к краю, я даже боялся смотреть сверху на землю. При этом по спине проходил холодок, а пятки как бы начинали сжиматься в кулак с таким щемящим неприятным ощущением...

После смерти отца в 1961 г., летом 1962 года я вернулся в Палагай и работал несколько лет в школе завучем производственного обучения, учителем физики, черчения, машиноведения, слесарного дела – у меня кроме уроков, по этим предметам, было основное занятие – по программе производственного обучения - уроки по подготовке электромонтёров сельского хозяйства.

В те времена по вечерам колхозная молодёжь и школьники собирались перед школой поиграть в волейбол. В 1962-1964-х годах мы с учащимися озеленяли территорию вокруг школы. На моих снимках тех лет, видны заготовленные лунки и посаженные саженцы. Теперь – в 2009 г. – новую каменную школу, построенную в 1977 году параллельно старой деревянной за выросшими за более чем пятьдесят лет берёзами со стороны совсем не видно. Деревянную школу разобрали на дрова. Итак, двухэтажная деревянная школа, выстроенная в 1934-1936 годах, простояла почти 40 лет.

В мае-июне 1963 года, будучи на армейских офицерских сборах в Сарапуле, мы строили деревянную геодезическую вышку высотой в 45 метров. Наш командир, капитан-геодезист срочной службы, в первый же день выстроил нас и дал команду: «Кто боится высоты – два шага вперёд!». Таких нас оказалось человек пять из тридцати геодезистов-топографов нашего взвода. Капитан далее сказал, что страха высоты не надо стесняться: «Никто над вами не будет смеяться!». Нам, боящимся высоты, хватало работы и на земле.

Сейчас я знаю, почему этот молодой человек отстреливал голубей, живших в чердаке Палагинской школы. Если я правильно помню его как Недомолкина Игоря Александровича, приходившего из райцентра проводить уроки военного дела в Палагинской средней школе, то эвакуированный в Юкаменское Игорь Александрович, очевидно, в селе жил очень плохо. В Юкаменском архиве сохранились его заявление, написанное им в апреле 1942 г. на имя председателя райисполкома, в котором он просит увеличить норму хлеба с 400 г до 600 граммов. На его заявлении резолюция председателя Юкаменского РИК А.И. Сунцова: *лист 59: «Удовлетворить, продавать [хлеб] по 500 грамм».*

(Источник: Юкаменский архив (в Глазове). Переписка с переселенческим отделом, начато 28 января 1942 г., окончено 30 декабря 1943 г. на 127 листах. Ф. 176., оп. 1, д. 204).

Конечно же, для эвакуированного, не имеющего ничего кроме пайки хлеба в 400 грамм, мясо голубей служило отличным приварком...

1944 – 1945 год.

История с голубями на этом не кончается. Мой второй старший брат Равиль Харисович (1928 г.р.) дружил со старшими детдомовскими ребятами, им было лет по 14–15 или чуть больше. Я запомнил их имена: Ханаан (фамилия, или прозвище?), Мороз (Морозов?), Мухомор (Мухарадзе – мальчик–грузин), Антон и Эдик, кто-то ещё был в их группе, я всех уже не помню. Мальчики собирались в нашем доме почти каждый день после уроков зимой 1944-1945 учебного года, о чём-то всё время шептались. Мальчики были очень спокойными и дружелюбными, мама не запрещала брату приводить их к нам домой. Они собирались бежать на фронт. Их уже два раза возвращали из Глазова, и они теперь намеревались бежать через станцию Яр, где, по их мнению, меньше было «мусоров» (т. е. милиционеров). Дело в том, что в те годы без автомобильных дорог, по проселочным дорогам из Большого Палагая и до Глазова, и до Яра, расстояние было примерно одинаковым.

Мама, скорее всего, была посвящена в их тайну. А я мог только догадываться, что они что-то замышляют: мама им почти каждый день сушила сухари, они их хранили у нас на сеновале, место тайника мне было известно.

Так вот о голубях: Равиль и ребята начали ночью ловить голубей на чердаке школы с помощью керосинового фонаря «Летучая мышь». Меня на чердак не брали, я знал из их рассказов, как они голыми руками брали голубей, ослепляя их: подходили на место ночёвки птиц с почти погашенным фитилём фонаря, обнаружив насест, быстро поднимали фитиль и ловили их почти без труда.

Голубей где-то ошипывали, разделявали и у нас вечером варили крепкий бульон. Мясо не ели, на второй день в русской печи их сушили или поджаривали, и тоже прятали на нашем сеновале. Сваренное и поджаренное мясо на морозе не портилось. Бульон ими съедался. Равиль несколько раз его пробовал, и сказал, что ему этот суп не нравится. Мне тоже давали суп на пробу, но я, непривычный к супу из таких «куриц», не смог проглотить даже одну ложку.

Очень много лет спустя я узнаю, что едят не только голубей, но и воробьёв и молодых грачей, об этом писал С.Т. Аксаков в «*Записках ружейного охотника Оренбургской губернии*». Он пишет, что голуби [и молодые грачи] осенью *«бывают довольно жирны и очень вкусны».*

Эти детдомовские мальчики были эвакуированы из западных областей СССР, оккупированных немцами, они были очень интересными подростками, правда, для меня девятилетнего мальчика, эти 14-15-ти летние парни казались совсем уже взрослыми, вероятно, они были по своей природе (конституции) рослыми парнями. Они разговаривали на русском языке, обильно сдобренной блатными словами, неформальной речью, собравшись вместе вечерами, пели блатные и тюремные песни. От них я впервые услышал мелодию и слова песен «Ванинский порт» (песня второй половины 1940-х гг.): **Будь проклята ты, Колыма! Что названа чёрной планетой!**

Сойдѣшь поневоле с ума,/ Возврата отсюда уж нету!/, - «Чубчики», слова и мелодию блатной «Гоп со смыком» и подобных ей и другие. Правда, через десятилетия я узнаю, что эти песни были не совсем блатными, а песнями времён НЭПа и конца тридцатых годов (их пели заключённые ГУЛАГа).

В конце февраля 1945 года ребята через Яр всё же сумели добраться до фронтовой полосы. В то время блокада Ленинграда была уже снята. Через несколько недель маме пришло письмо, в котором беглецы написали, что они добрались до места, их взяли на военную службу, и что они будут писать нам, если останутся живыми. Ещё они благодарили маму за помощь и просили их простить за забранные ими 2 пары наших лыж. Одна пара лыж, которые назывались «**Финскими**» за их необычный вид: они были очень длинными, узкими, длиной почти в два с половиной метра и были беговыми. Ещё до войны на них бегал наш старший брат Тавис (1927-1973), и Равиль их очень берѣг. Тависа возьмут на службу осенью 1944 года в возрасте 17 лет, тогда он, зимой 1945 года, учился в городе Троицке Челябинской области на авиамеханика. Вторая пара лыж были обычными берѣзовыми, короткими и широкими. Письмо в нашей семье не сохранилось, писали ли они ещё, я уже не помню. Скорее всего, больше не писали...

Кто из этих ребят убежал на фронт, я уже не помню. Но один из их группы – грузинский мальчик Махарадзе, по прозвищу Мухомор, остался в Палагае. Он был или намного моложе их, или был очень мал ростом. С Мухомором связаны два наших семейных происшествя.

После весеннего паводка в начале мая 1945 года мы с Равилем в ручье Шалькопи-чокыр, разделявший две деревни Большой Палагай и Малый Палагай, намѣтом наловили очень много довольно крупных налимов. Тогда в этом ручье, текущем между деревнями, вода была очень чистой и очень холодной, т.к. ручей подпитывали многочисленные родники. Равиль этих налимов посолил и повесил вялиться за форточку окна на длинном шестике. Война уже кончилась, и он сказал нам, что налимов он подарит папе, когда он приедет домой. Налимов из-за окна ни днем, ни ночью не убирала, т.к. мух ещё не было.

Через несколько дней вся связка исчезла. После обеда к нам пришѣл Мухомор. Мама ему сказала, что кто-то из их компании украл нашу рыбу. Махарадзе очень смешно развѣл руки и объяснил, что рыбу украли не они, а может быть другие ребята. Ещё он добавил: «Мы не могли это сделать, мы знаем, для кого они готовились! Хамида апа, ничего не поделаешь, рыбу уже не найти, мы сами с ребятами разберѣмся...».

Кажется, тогда же в начале лета у нас из полки в сенках дома исчезли два горшка молока. Корова у нас появилась после ухода старшего брата Тависа в армию. За его работу в Юкаменском МТС нам привезли довольно много хлеба. Мама за 28 пудов ячменя и ножную швейную машинку «Зингер» в соседней деревне Макшур купила корову, так что последнюю зиму войны мы жили довольно сытно.

Мама опять обратилась к Махарадзе. Он, не моргнув глазом, заявил, что молоко они тоже не трогали, и опять обещал разобраться. К вечеру оба горшка, чисто вымытые, вновь появились на полочке, но уже без молока. После этих двух случаев у нас в доме ничего не пропадало.

Надо отметить, что воспитанники Юкаменского детского дома за всё время существования детдома в Большом Палагае и окружающих деревнях не занимались плохими делами: ничего не воровали, не разоряли огороды колхозников. Я не помню ни одного случая, чтобы колхозники вспоминали воспитанников детдома плохими словами. Правда, в 1945 году в деревне начали пропадать стальные пилы: мальчики из них начали делать ножи, финки, но этот год в жизни детдома был особым: в этом году будто бы за растрату в 20 000 рублей, посадили в тюрьму директора детдома Ольгу Антоновну Гаврилову.

Директором детдома назначили школьную учительницу Гайшу Фаисламовну Ямангулову, которая оказалась очень требовательной и, по мнению старших ребят, очень несправедливой. Дети буквально взбунтовались! И начали вооружаться. Это я хорошо помню, так как в зиму 1945 года ходил питаться в столовую детдома вместе с ними за одним столом. Тогда маме из района дали одну путевку на питание её детей. Я питался в детдоме до возвращения папы из войны, только пайку хлеба и сахар приносил домой. Ребята ко мне, вероятно, как к сыну фронтовика, относились очень хорошо. Во время обеда раздачи еды по столам не было, ребята стояли в очереди перед раздаточным окном кухни с посудой в руках. Когда я появлялся в столовой, ребята меня сразу пропускали вперед, и я всегда одним из первых получал свою еду. У меня не отнимали пайку хлеба и сахара (у детдомовцев среди своих такие случаи бывали).

О бунте детдомовцев в 1945 году я напишу позже: у меня есть запись беседы на диктофон с бывшим тогда музыкантом и воспитателем в детдоме Ходыревым Василием Дмитриевичем,

фронтовиком. Запись я сделал летом 2004 года в Палагае, когда он приезжал на похороны своей племянницы Риды Дмитриевны Владыкиной.

Возврат к истокам моих записей о Юкаменском детдоме.

1942 год.

История Юкаменского детдома начинается в феврале 1942 года. Вместе с эвакуированными гражданами из западных оккупированных немцами областей СССР в Юкаменский район начали прибывать и дети, оставшиеся без родителей. Вначале детдом разместили в школьном городке Юкаменской средней школы в деревне Вежеево. Деревню и село Юкаменское разделял большой пруд с мельницей на плотине. В школьном городке детдому с более чем сотней детей было тесно, не было земли для развития подсобного хозяйства. Исполком Юкаменского райсовета как мог наделал детдом участками.

Например, в мае 42 года выделили 0,75 га земли под хозпостройки от Юкаменской школы, 10 гектаров пашни отдали от колхоза “Шонер-Сюресь”, деревня Уни-Гучин, (правда, с условием, что сельхозпоставки с этих 10 га перевести на детдом). В детдоме были несколько дойных коров, поэтому райисполком своим решением от 15 июня 1942 года выделил 3 гектара сенокосов из земель колхоза им. Сталина (д. Куркан). Условия жизни воспитанников детдома в Вежеево были плохими, не было даже бани. Поэтому в феврале 1944 г., перед самым переездом в Б-Палагай, Юкаменский райисполком закрепил за детдомом баню одного из Вежеевских колхозников.

В Глазовском архиве сохранилось очень мало документов по эвакуированным, их «Дела» (сейчас написали бы «Досье»), с середины 1943 года шли, как я предположил, по ведомству НКВД-МВД. То, что осталось в Глазовском архиве – это, скорее всего, случайно оставшиеся документы или уже рассекреченные. Например, нет почти никаких документов по Юкаменскому детдому на период с 1943 года до 1952 год: я думаю, что детдом все же шёл через НКВД – МВД. Вместе с семьями эвакуированных в Юкаменский район были привезены дети-сироты из оккупированных немцами западных областей. В этом же детдоме воспитывались дети-сироты из семей жителей деревень Юкаменского и соседних районов.

Из докладной записки Обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) о состоянии работы с эвакуированными детьми в Удмуртской АССР (Культурное строительство в Удмуртии. Сборник документов и материалов (1941 – 1975 гг.). Ижевск. 1977):

Стр. 16-17, 22-23 За период Отечественной войны в Удмуртскую республику прибыли в эвакуацию 19 детских учреждений. По состоянию на 1 октября 1942 г. организовано в Удмуртию прибыло 2286 детей. Местных детдомов 17 с контингентом детей 2308 детей. Дети, поступающие в неорганизованном порядке в порядке эвакуации из детприёмников НКВД, госпиталей, военных частей размещаются в детских домах республики. Например, в Юкаменском детдоме (местный), размещено 30 человек эвакуированных детей. Всего детей эвакуированных с родителями в республике с 1 по 10 класс 2474 человек (без учёта детей в детдомах).

Секретарь Обкома ВКП(б) по пропаганде И. Кутявин.
Партиархив Удм. ОК КПСС, Ф. 16, оп. 22, д. 232, л. 47.

Из докладной записки обкома ВЛКСМ обкому ВКП(б) о помощи пионеров и школьников республики фронту от 26 октября 1943 года (так же см. ниже отчет комиссии):

<...> за лето 1943 года собрали:

Лекарственного сырья – 12 181 кг.

Ягод – 43 043 кг.

Грибов - 70 472 кг. [41].

В документе по проверке детдома от 15-16/ VII – 1943 г. (Глазовский архив. Ф. 184, оп. 1, д. 34. Отчёты школ по подготовке значкистов БГТО и ГТО за 1943 год, на 44 листах, листы 3 – 12-об, 42-43):

Лист 2. выписка: В 1943 году зав. Юкаменским Роно Новокрещенов.

С листа 3 до листа 14: «Вводы (так в оригинале) по обследованию работы Юкаменского детского дома проведённого комиссией в составе: представителя наркомпроса Удм. АССР Оконниковой А.Г., представителя райкома комсомола Ельцовой Р.В. и представителя РайОНО Шуклиной А.Е.»

показан вклад Юкаменского детдома в дело помощи фронту в сборе дикорастущего сырья, ягод и грибов. Юкаменский детдом, который в 1943 г. ещё находился в д. Вежеево:

В 1943 году, как мы увидим ниже, в детдоме было всего 103 воспитанника, из них эвакуированных детей было 54 человека.

Выводы комиссии изложены на 14 листах школьной тетради:

При обследовании выявлено следующее:

I. Воспитательная работа.

Воспитательная работа ведётся системно и планомерно. Имеются годовой, квартальный и ежедневные планы воспитателей и ответственного дежурного. Годовой план утверждён педсоветом, четвертные директором, ежедневные просматриваются директором и завучем. Есть план работы на каждый день.

Обучением охвачены все ребята школьного возраста, успеваемость сто процентов. В 1943 году работали кружки: драматический, рукоделия, ПВХО, ГСО. Сдали нормы по ПВХО – 61, ГСО – 61 человек.

Регулярно проводились совещания педсовета и производственные. Особенно хорошо поставлена работа детсовета, которая помогла во многом установлению дисциплины среди воспитанников. Каждому члену детсовета дан определённый участок работы. Систематически проводится работа по привитию трудовых навыков. К числу недостатков в воспитательной работе надо отнести то, что детдом не имеет собственной библиотеки, имеющаяся [в райцентре] передвижка используется мало. Ребята мало читают книг и газет, а так же в данное время не работает радио. Новые воспитатели ещё не знают точно свои функции.

II. Санитарное состояние и медобслуживание.

Санитарное состояние помещений удовлетворительное. Состояние двора не совсем отвечает требованиям детского дома, т.к. стайки и конюшня расположены на этом же дворе, а потому сор и навоз распространяются на всю территорию двора. Кроме того, от строительства на дворе остались втопанное щепьё, которое систематически выступает наружу и тем засоряет территорию.

Бельё нательное и постельное меняется еженедельно, перед сном моют ноги. Ежемесячно проводится медицинский осмотр. Ежедневно проверяется состояние здоровья медсестрой. По данным осмотра на 15/VII дети в большинстве здоровые и жизнерадостные. За 1943 год отмечено одно инфекционное заболевание - ветряная оспа. Остальные инфекционные заболевания (2 человека – туберкулёзные, 7 человек – трахомные, которые систематически лечатся), были у детей в момент поступления в детдом. Были случаи заболевания чесоткой, на 3 июня завшивленность головы обнаружена у 4 детей. В апреле у 7 человек был понос, 36 детей болели стоматитом. В начале этого года были случаи завшивленности головы детей и бельё. В последний раз завшивленность голов отмечена у 4-х ребят 3/VI. В момент обследования вшивленности не обнаружено. Смертных случаев со дня организации детдома не было.

Большим недостатком является то, что из-за недостатка кроватей часть детей спят по 2 человека на одной кровати, вследствие чего может передаваться инфекция. В постелях и в деревянных кроватях обнаружены клопы. Из-за отсутствия тумбочек и вешалок, носильное бельё и полотенца дети кладут под подушки, что совершенно ненормально. Медикаментов недостаточно, особенно не хватает мази от чесотки.

Питание.

Питание детей проходит в точно установленные часы. По отпускаемым порциям питание можно считать достаточным: утром 200 гр. хлеба, чай с молоком и сахаром; в обед 2 тарелки супу, стакан молока (через день) и 100 гр. хлеба; вечером 200 гр. хлеба, тарелка супу, стакан простокваши. Но, отмечает комиссия, питание очень однообразное и не калорийное. Суп варится только из муки и растительного масла очень плохого качества с добавлением зелени. Меню в течение 2-х месяцев совсем не менялся и совсем не разнообразился. Дети не получают совершенно животного масла и мяса.

Это объясняется тем, что наряды на эти продукты торговыми организациями района совершенно не выполняются или выполняются не полностью. Так, по наряду Наркомпроса из 145 кг масла ничего не получено; из 275 кг мяса получено 102 кг, из 103 кг рыбы получено только 28 кг икры и 4 кг рыбы (недополучено 71 кг), сахару недополучено 63 кг. По децентрализованным заготовкам на основании постановления СНК от 6/1-43 г. детдом не получил ни одного грамма мяса, масла, за исключением 10 литров молока ежедневно.

Со своего огорода и парников получено: 32 кг лука, 10 кг свёклы, 15 кг капусты (листья), 31 кг редиски. Кроме того, для еды собрали 170 кг полевого хвоща (пестиков), 30 кг щавеля, 36 кг грибов, 47 кг земляники, приготовили 90 литров напитка с витамином «С».

Расходование продуктов.

Продукты на кухню отпускаются по меню в присутствии дежурных воспитанников, но последние даже не расписываются, кроме того, выдаются больным и выбывающим по специальным требованиям, но на них нет подписи директора детского дома. Отпуск продуктов на сторону не обнаружен. Снятия остатков не было с января месяца. Приходование продуктов от своего хозяйства проводится несвоевременно. Нет ежедневного учёта. Получение продуктов от райпотребсоюза и сельпо проходит по заборному листу без накладных. Ревизии не было с начала организации детского дома, что может повлечь к расхищению.

Подсобное хозяйство.

Всего детский дом в подсобном хозяйстве в 1943 году освоил 30 гектаров сельскохозяйственных земель. Посажено (в оригинале – засеяно) 4 гектара картофеля, посеяно 4 - гречи, 4 - пшеницы, 2 - ячменя, 2 - гороха, 2 - овса, 3 - овощей и корнеплодов, озимых 3 га. Вспахано паров 3. С 3 гектаров сенокосов получено 28 возов сена. Имеются 3 коровы, 1 корова не дойная, 2 дают по 4 литра молока в день; имеются 1 телёнок и 5 поросят. Весной при усадьбе посадили 82 куста малины. Около детдома посажены овощи, но участок очень плохой, а потому урожай будет низкий. Зерновые и картофель дадут средний урожай, но горох имеет редкие всходы. Картофель на данное число почти вся окучена. Все посевы были прополоты, а так же вспахана земля силами работников детдома и воспитанников без посторонней помощи.

Заготовка лекарственного сырья, ягод и грибов.

В 1943 году заготовили и сдали лекарственного сырья, ягод и грибов: 6 центнеров ивового корья, 300 граммов спорыньи, собрано 10 кг сушёной малины. Неудовлетворительно идёт заготовка ягод и грибов. Земляники высушено всего 600 гр., а грибов и того меньше – 150 гр.

Оборудование, хозяйственный инвентарь, обеспеченность одеждой, обувью и подготовка к зиме.

Оборудование детского дома очень жалкое и недостаточное. Оно заключается только в одних кроватях, нескольких столов и скамеек. Кровати железные с погнутыми ножками, облезлыми спинками, и деревянные тоже [на грани развала]. При контингенте в 100 человек кроватей имеется 72 штуки. Нет ни тумбочек, бочек(?), ни вешалок и ни одного шкафа для хранения документов и [письменных] принадлежностей. Недостаточно умывальников, вёдер, тазов, столовой и кухонной посуды. Деревянных ложек не хватает даже на одну смену детей. Некоторым детям даются ложки даже без черенка, а иногда дети обходятся и совсем без ложек, многие дети суп пьют через край тарелки. Постельное бельё, одеяла и тюфяки очень поношенные и совершенно нет пододеяльников. Рубашки и платья только ситцевые, вылинявшие и ветхие. Тёплой одежды: свитры, фуфайки, курточки имеются только на 84 человека. Кожаной обуви (новой) на 83 человека. В наличии валенок на 100 человек, навязано силами воспитанников 56 пар варежек (имеется в запасе 100 кг шерсти). Сплетено лаптей 42 пары, починено ботинок 46 пар. Таким образом, тёплой одеждой дети обеспечены.

Недостаточно нижнего белья и платьев. Имеющиеся платья белые [из белого ситца] и очень быстро пачкаются. Очень много белья не постирано от чесоточной мази, вообще бельё стирается и гладится некачественно. Для стирки нет необходимого инвентаря: корыт, [стиральных] досок, котла для кипячения [белья].

Дров для детдома заготовлено 350 куб. м при потребности 380 куб. м на зиму, но они ещё не подвезены. Ремонта помещения не требуется, за исключением вставки нескольких окон, основным и главным недостатком надо отметить недостаточность помещения и отсутствие ремонтных мастерских. В детдоме нет ни одной швейной машины, нет инструментов для починки обуви. Столярная мастерская не работает из-за отсутствия пиломатериалов, а могла бы работать для нужд района.

В настоящее время штат детдома укомплектован полностью. Воспитатели в большинстве имеют среднее образование (из 10 человек 6 человек имеют 10-летнее образование, 4 человека 8-летнее, а директор [Ольга Антоновна Гаврилова – А.Х.] имеет высшее образование). Шесть человек члены ВЛКСМ. Трудовая дисциплина [в коллективе] не плохая.

Отношение общественных организаций к детскому дому.

В основном детский дом имеет хорошие показатели в производственной, воспитательной и трудовой деятельности. Однако со стороны районных организаций очень мало обращается внимания на такой детский коллектив, отцы которых защищаются на фронтах отечественной войны, а матери в большинстве погибли на трудовом фронте. Оказанной помощи со стороны районных организаций недостаточно. Несмотря на постановление Совета народных комиссаров (СНК) от 6/1-[1943?] года о снабжении детей мясом и молоком из детзаготовок (непонятно – А.Х.), оно не поступает, даже не выполняются централизованные наряды (масло животных). Райисполком не потребовал от торговых организаций выполнения этих нарядов. Кроме того, осталось не выполненным решение райисполкома

от 4/П в части отпуска товаров по нарядам потребсоюза в части отпуска стекла для парников и пиломатериалов для детского дома.

Работники райкома комсомола ни разу не заинтересовались, как живут воспитанники детдома, как они учатся, каковы их интересы, в чём они нуждаются. Не заслушивали отчёты даже пионерорганизатора. В результате чего пионерская организация детдома насчитывает всего 36 человек. Мало интересуется жизнью детдома и райком ВКП(б), ни разу не заслушивали о работе директора детдома.

(Напомню: в составе комиссии была представитель Наркомпроса Удм. АССР Оконникова А.Г. – А.Х.).

Практическое предложение.

Партия и правительство уделяют особое внимание на воспитание детей, потерявших родителей, и возлагают ответственность за это дело на руководителей районных организаций. В силу этого положения районным организаторам Юкаменска необходимо повседневно заниматься вопросами работы детдома. Необходимо создать такие условия для детей, чтобы они не ощущали отсутствие своих родителей, воспитывались физически здоровыми и в духе коммунистической морали. Особое внимание надо уделить на улучшение питания детей, (пока нет большого истощения, которое было обнаружено у отправляемых воспитанников в ремесленное училище). А потому райисполком должен потребовать от торгующих организаций выполнять все спущенные наряды как централизованного, так и нецентрализованного снабжения, привлечь к ответственности виновных, не отпускающих товаров по спущенным нарядам, чтобы отпускаемые продукты шли по прямому назначению. Осуществлять систематический контроль над торгующими организациями и непосредственно в детском доме, особенно требуется планомерное проведение ревизий

Райкому комсомола организовать шефство над детдомом для осуществления правильного коммунистического воспитания детей. Организовать первичную комсомольскую организацию, усилить работу по вовлечению в пионерскую организацию детей, организовать местпром, взять шефство над детдомом, чтобы помочь организовать пошивочные, почилочные и другие мастерские. Просить райисполком предоставить какое-либо добавочное помещение для кладовой и канцелярии. При этом условии в главном корпусе высвободятся комнаты.

Принять срочные меры по обеспечению детдома пиломатериалом для поделки кроватей и вешалок (в первую очередь), шкафов, тумбочек и столов, иначе сон вдвоём на одной кровати может привести к плохим результатам. Второй вариант увеличения полезной площади. Из занимаемой комнаты вешалки перенести в другой зал, а эту комнату оборудовать в спальню.

Просить райисполком для посадки овощей расширить земельный участок за детдомом за счёт земельной площади, засаживаемой учителями средней школы. Последним предоставить участки в ближайшем поле хотя бы там, где сажают работники детдома и РОНО. Через промартель и торговые организации обеспечить детдом кожаной обувью, чтобы не сорвать полный выход детей в школу.

РОНО должен передать детдому швейную машинку, принадлежащую школе, которая у бывшего заведующего РОНО.

Валенки воспитанников детдома требуют ремонта, а потому необходимо обеспечить стельками для подшивки на 100 пар валенок. Обеспечить: новыми валенками в количестве 20 пар, шапками ~ 60 шт, пальто – 50 шт., головных платков – 50 шт. платьев – 50 шт. и портянками. *Нужно обеспечить детдом хозяйственным инвентарём.*

Наркомпросу: обеспечить детдом бельём и постельными принадлежностями, а также материалом для платьев, рубашек и брюк.

Просить Наркомторг приравнять детдом по снабжению к эвакуированным детским домам, так как больше половины детей эвакуированных (из 103 человек 54 эвакуированные дети) [т.е. перевести детдом под юрисдикцию органов НКВД–МВД? Ещё раз напомню: в составе комиссии была представитель Наркомпроса Удм. АССР Оконникова А.Г. – А.Х.].

Дирекция и коллектив работников детдома имели неплохие результаты своей работы, но, несмотря на это, ещё недостаточно проявила заботы и внимания к своим воспитанникам.

[Предложения комиссии – А.Х.]:

Необходимо:

- 1). Убрать урожай, подготовить зерносклад, построить овощехранилище;
- 2). Приобрести сельскохозяйственный инвентарь, заготовить дрова, закупить инвентарь и посуду (тазы, вёдра, кадку для воды);
- 3). Отремонтировать баню, хозяйственные постройки, застеклить окна;
- 4). Усилить сбор грибов до начала уборочной, потом будет некогда;
- 5). В меню больше добавлять овощи и зелень, ягоды;
- 6). Добиваться получения продуктов по нарядам централизованным и децентрализованным;
- 7). Закупать продовольствие за проданные лекарственное сырьё (травы) и промсырьё (ивовая кора);

8). Организовать контроль: за закладкой продуктов; при выдаче; за поступлением продуктов; ежемесячно снимать остатки.

9). Заготовить достаточное количество лаптей для работы в поле.

10). Туберкулёзных больных отправить в спецлечебницы. Лечить трахомных. Добиться, чтобы дети спали по одному на кровати. Чаше стирать бельё.

Создать собственную библиотеку, закупить учебники и пособия.

Организовать соцсоревнование как в коллективе воспитателей, так и в коллективе детей.

п/п {Подписи}: Оконникова, Ельцова, Шуклина.

(Архивная папка: см ГА. Ф. 184, оп. 1, д. 34. листы 3-16).

К большому сожалению, в этом документе не записаны имена директора детдома, воспитателей. (Глазовский архив. Ф. 184, оп. 1, д. 31. Юкаменский районный отдел народного образования. Текстовые и статистические отчёты школ по всеобучу за 1942-1943 учебный год, на 232 листах, лист 8).

Здесь я повторюсь:

Буквально сегодня, 18 августа 2013 года, я в Википедии открыл диссертацию (на правах рукописи) на соискание ученой степени кандидата исторических наук **Ложкиной Ирины Александровны**:

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ-СИРОТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ДЕТСКИХ ДОМОВ И ИНТЕРНАТОВ УДМУРТСКОЙ АССР. ИЖЕВСК - 2010).

Привожу выборочно выписки из диссертации, которые относятся к Юкаменскому детскому дому в указанный период времени:

Несмотря на все трудности в феврале 1942 года начал работать Юкаменский детдом. За короткий промежуток времени О.А. Гаврилова (директор детского дома все военные годы) смогла создать хорошую хозяйственную базу учреждения, правильно организовать в детдоме воспитательно-образовательный процесс. В итоге в 1942 г. коллектив воспитателей занял первое место среди республиканских детдомов по учебно-воспитательной работе.

<...> В 1943 году в хозяйствах детдомов республики появились коровы, лошади, овцы.

<...> В 1943 году начали разводить кроликов в Вавожском, Дебесском и Юкаменском детдомах.

В ГГПИ в конце 90-х годов прошлого столетия студент истфака ГГПИ из села Юкаменское Абашев Марат защитил диплом: **Юкаменский детдом в военное и послевоенное время /1942-1959 гг./**; материал он брал в архивах Удмуртской Республики (ЦГА УР, ЦДНИ УР), в архивных отделах Юкаменской и Глазовской администраций, из открытых источников (из доступной литературы, газетных публикаций, воспоминаний воспитателей и бывших воспитанников детского дома). Я его диплом читал почти сразу после его защиты, но мне не дали на кафедре новейшей истории поплотнее поработать с дипломным проектом Марата и я не успел сделать выписок для себя; у меня остались очень многие вопросы, многие личного характера, ответы на которые я бы хотел найти в архивах. Предполагая, что в 1943-1952 годах детский дом был под юрисдикцией НКВД-КГБ-ФСБ, я попытался через Глазовский районный отдел ФСБ получить архивные документы из Центрального архива ФСБ УР, но с приходом в президенты подполковника ФСБ В.В. Путина (с 2000 г.) эти архивы оказались под замком. Например, Марат пишет, что в детдоме было более 200 детей (в 1947 году).

Прилагаю копии фрагментов с 10 - 11- й страниц диплома А.Марата, где он дает таблицу динамики контингента (количества воспитанников) Юкаменского детского дома.

К сожалению, я не смогу написать, чьи сведения точнее: Марат пользовался архивными документами, которыми я не пользовался. В своих записях я пользуюсь архивными документами, сохранившимися в архивном отделе Глазовского (Юкаменского) администраций за 1943 год, затем в архивных документах, которыми я пользовался, пробел, и только с 1952 года в этих архивах появляются папки с документами по Юкаменскому детдому.

В своем дипломе Марат Абашев пишет:

Первые воспитанники были из Калининской, Ленинградской, Одесской, Брестской областей, Карелофинской АССР. Детский дом постоянно пополнялся детьми. Он был рассчитан на 95 мест, однако лишь за год своего существования принял 197 воспитанников. В марте 1944 года он был переведен в деревню Большой Палагай того же района по причинам, о которых будет сказано ниже. Динамика численного состава, половозрастного, национального, воспитанников детского дома в военные и послевоенные годы представлены в данных нижеиследующей таблицы:

Динамика контингента Юкаменского детского дома

(таблицу немного сократил – А.Х.)

Год	Всего вос-в	Национальность			
		Русских	татар	удмуртов	прочих
1942	197	117	27	49	–
1943	152	51	35	48	8
1945	138	62		60	16
1947	200	77	20	24	69
1949	150				
1950	154	73	32	49	
1951	91	56	15	13	7
1955	56	22	11	18	5

В 1944 –х годах и до 1950-х, В Юкаменском детском доме в Большом Палагае, не было столько воспитанников (если я правильно помню). Я предположил, что в списочный состав в приводимых Маратом таблицах, учитываются число всех, которые не только были сиротами (и полусиротами) и жили в детдоме, но питались, получая путевки на питание в детском доме (как я питался там, например, зимой 1945 года), или получали продукты сухим пайком...

В документах Глазовского архива (в начале 1960-х годов Юкаменские архивы были переданы в Глазов в связи с объединением Глазовского и Юкаменского районов в один Глазовский сельский район) количество детей другое.

Например, в архивных документах по Юкаменскому РОНО за 1943 год сохранился отчет комиссии по проверке детдома на 14 листах в школьной тетради (см. выше): **ГА. Ф. 184, оп. 1, д. 34. на листе 12:** <...> комиссия просит (повтор):

Наркомторг приравнять детдом по снабжению к эвакуированным детским домам, так как больше половины детей эвакуированных (из 103 человек 54 эвакуированные дети).

В воспоминаниях Риды Дмитриевны Владыкиной, работавшей в 1945-1951 гг. в детдоме, детей в 1946 г. было 200–250 человек. В последующих архивных документах: **ГА. Ф. 181, оп. 1, д. 246, листы 1, 2,** среднегодовое количество детей в Юкаменском детдоме на 01.01.1951 г. было 97 человек, скорее всего это были уже дети-сироты местные, не из числа эвакуированных, и в начале 50-х годов прошлого столетия, как я предполагаю (документов об этом я не нашел) детдом вновь стал содержаться за счёт района, точнее, Удмуртского Наркомпроса и стал **местным** детдомом. .

Буквально несколько лет назад я узнал, что после гибели ст. лейтенанта Зянмухаммата Мухамматовича Абашева весной 1944 года, двоих (из четверых) детей его вдовы завуча детдома Марии Егоровны Пономаревой на несколько лет так же прикрепили на питание в детдом. Я не знаю, сколько человек детей было прикреплено таким образом к детдому, если их (точнее, нас) было по району много, то действительно в дипломе Марата число детей в детдоме могло быть до 200 человек (списочного состава).

Вот что пишет Рида Дмитриевна Владыкина, проработавшая в Юкаменском детдоме в д. Б-Палагай с 1945 по 1951 год, первый год пионервожатой, затем завучем с 1946 г. (Сборник «В стороне Юкаменской». Бушмелев Н.С., составитель, и др. Глазов. 2000):

стр. 51 – 55. <...> Наша Удмуртия приняла в свои города и сёла эвакуированных граждан с оккупированных фашистами территорий. Советская страна особую заботу проявляла о детях-сиротах, создавая дома для их приёма.

<...> в Палагае, [куда весной 1944 года перевели Юкаменский детдом – А.Х.], <...> около него построили разные подсобные помещения: склады двory, погреб, баню, мастерскую, изолятор. На сорока гектарах сеяли зерновые, растили овощи, пасли скот. В подсобном хозяйстве детдома имелись лошади, коровы, овцы, свиньи, гуси. Всё выращенное давало дополнительные продукты питания для детей. Воспитывалось в нашем детдоме 200-250 детей <...>. У детдома был попечительский совет,

возглавлял который председатель исполкома Комаров, а затем Кондратьев. Шефы – Юкаменская МТС. Первые воспитанники прибыли из Калининской, Ленинградской, Одесской областей. <...>

Это плановые поступления детей, но были и чрезвычайные. Так, однажды на крыльце дома в свёртке обнаружили двухлетнего мальчика с запиской «Витя Караваев». А весной Палагайские пахари нашли в лесу девочку, всю искусанную муравьями. Ребята называли её Риммой. <...> [в начале 50-х гг., буквально через несколько месяцев, девочку] удочерила бездетная женщина из Засекова и назвала её Разией.

И вот 29 апреля 1995 года явилась к нам на вечер встречи [повзрослевшая Римма, уже] мать и бабушка Разия Маликовна Сабрекова вместе со своим спасителем Набиуллой Галиуллиным Абашевым. Она живет в Глазове, работает продавцом в магазине [Н.Г. Абашев в 50-х годах работал в детдоме завхозом – А.Х.].

25 августа 2013 года я посетил (с их разрешения и приглашения) семью Сабрековых, живущих в Глазове. Разия Маликовна рассказала, что лет через тридцать приезжала ее родная мама, встреча была спокойной. Мать рассказала, что она со своей подругой с какого-то склада украли немного продуктов, их хотели судить в Юкаменском (ее привезли из д. Починки с девятимесячным ребенком), но они каким-то образом сумели убежать. Мать Разии добралась ночью до Палагая и оставила сверток с дочерью на краю недовспаханного поля, надеясь, что пахари утром найдут ребенка. Так и случилось. Сама же, дойдя пешком до Глазова, на железнодорожной станции забралась в вагон товарного поезда и оказалась в Свердловской области. Так она избежала судебного преследования по статье очень сурового указа «7/8» от 7 августа 1932 г., в народе метко названном «Указом о пяти колосках» (об указе читайте на следующих страницах).

Школе были оставлены только несколько классов на первом этаже (линия раздела по мауэрлату – до противопожарной кирпичной стены), 5-7-е классы семилетней школы занимались в две смены, а классы начальной школы занимались в центре Палагая в доме репрессированного в 1929 г. муллы имама Лотфуллы Галимовича Абашева. Сейчас на этом участке открыт мемориал в память о погибших в Великой Отечественной войне земляках Палагинского сельсовета (из деревень Большого Палагая, Малого Палагая, Золотарева, Куянова и Гулекшура). Классы были двухкомплектными, например, я учился со второго класса в 1944-1945 учебном году вместе с учащимися четвертого класса в одной половине дома, в другой половине дома учились учащиеся первого и третьего классов.

Школа была построена в 1934-1936 годах. После заселения новой школы ей присвоили название школы им. А. С. Пушкина. Тогда, в 1930-е годы, видимо, не требовалось никаких решений вышестоящих властей о присвоении названий школам, колхозам и т. д. Например, после организации колхозов в 30-х годах прошлого столетия в районе примерно 8 колхозов из 140 были посвящены И.В. Сталину, около 7 имеют в названиях имя Ленина и т. д.

В военном билете моего старшего брата Таиса Харисовича на странице об образовании написано: «Окончил 9 классов Палагинской средней школы им. Пушкина» в 1944 году. Когда весной 1944 года в Большой Палагай переведут Юкаменский детдом с сохранением названия «Юкаменский детдом», школа опять станет неполной средней школой (НСШ) до конца 1950-х годов – до окончательного закрытия Юкаменского детдома в Палагае в 1959 году. Но название «Школа им. А.С. Пушкина» канет в лету, и уже никто никогда не станет восстанавливать это поэтическое (и историческое) название...

Я уже писал выше, что весной 1944 года Юкаменский детдом перевели в Большой Палагай с сохранением своего названия – Юкаменский детдом, директором которого с февраля 1942 года была Ольга Антоновна Гаврилова, весьма неординарный человек.

При Ольге Антоновне, вероятно, мне дали путёвку на питание в детдоме, выше уже я упоминал об этом. Тогда я стал вхож в детский коллектив детдома, и всё своё свободное время проводил с воспитанниками. После уроков мы играли на школьном дворе, в непогоду и в морозные дни я не вылезал из детдома и видел жизнь детдома изнутри, скажу так: снизу вверх, детскими глазами. Мне тогда шёл десятый год, и я учился во втором классе. Я уже писал, что ребята относились ко мне хорошо, возможно потому, что мой отец тогда был на фронте.

У детдома были пашня, сенокосы, дойные коровы, лошади. При Ольге Антоновне разводили свиней, кур, гусей, кроликов, последние были везде: детдомовцы подняли их на чердак школы, сами кормили и ухаживали за ними там; кролики тогда жили под деревянными сараями, складами. Мой старший брат Равиль тоже завёл на чердаке нашего дома кроликов, и я помогал ему кормить их. Много лет спустя после того, как я прочитал книги А.С. Макаренко, я вспомнил, что у Ольги

Антоновны дети в детдоме жили и работали как воспитанники Антона Семёновича в Куряже: весной пахали на лошадях (или помогали рабочим), доили коров, сами сеяли, ухаживали за посевами, развели большой огород, содержали кур, кроликов. В детдоме все жили очень дружно, у детей были очень хорошие кружки самодеятельности. Например, я впервые в жизни услышал, как детдомовский хор исполнял грузинскую песню «Сулико» на грузинском и русском языках, впервые видел танец «Лезгинку» на сцене актового зала детдома. В детдоме были дети разных национальностей: грузины (про мальчика Махарадзе я уже писал), украинцы, евреи, немцы, русские, удмурты. Днём, живя их жизнью в их среде, я ни разу не видел и не слышал, чтобы дети хотя бы дразнили сверстников другой национальности. На сцене актового зала в праздничные дни кружковцы исполняли национальные песни и танцевали танцы всех народов СССР.

Конечно, всё это было заслугой воспитателей детдома, коллективом которых руководила О.А. Гаврилова. Ольга Антоновна директором детдома проработала немного, всего около трех лет, как я написал выше по вновь найденным мною документам, с начала организации детдома в феврале 1942 года. В конце 1945 или в начале 1946 года её арестуют, обвинив в растрате детдомовских средств. Я помню из рассказов мамы, что её оклеветали, обвинив в растрате 20 000 рублей. Возможно, она попала под действие печально знаменитого указа «7/8»:

Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932, предусматривавший расстрел с конфискацией имущества за любое хищение социалистической собственности; за хищения в незначительном объеме (один гвоздь — металлоизделие, катушка ниток, колоски на сжатом поле) предусматривалось 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества
(из ЭС Кирилла и Мефодия, версия 2009 г.).

Впоследствии указ в народе метко назвали «Указом о пяти колосках».

На сколько лет её осудили, я не помню, наверное, на 10 лет (Марат Абашев на стр. 37 своего диплома пишет, что Ольга Антоновна была осуждена на 8 лет), ведь по этому указу не могли осудить на срок «от» и «до», а сразу давали 10 лет или ВМН – высшую меру наказания, возможно, ее осудили по другим статьям УК РСФСР, действующим в те годы.

Вернулась она в Палагай через год или два. Я не помню, ее освободили после пересмотра ее дела, или ее амнистировали, но на работу в детдом уже не вернулась. Я помню, что она с мамой просиживала долгие часы и вечера, о чём-то они оживлённо разговаривали. Ольга Антоновна курила папиросу за папиросой, была очень задумчивой. Тогда меня постоянно отсылали «поиграть» с ребятами во двор, так что я совершенно не знаю, о чём они говорили. Мама до самой своей смерти никогда не рассказывала об Ольге Антоновне и обо всём, что задевало в какой-то мере эту трагическую историю. Мама очень долго переписывалась с Ольгой Антоновной, но никогда не давала нам, детям, читать эти письма. Они, эти письма, в нашей семье не сохранились... Правда, и я никогда не спрашивал маму об Ольге Антоновне, похоже, эта тема в нашей семье была не обсуждаемой.

В воспоминаниях Риды Дмитриевны Владыкиной, проработавшей с 1945 г до августа 1951 года в Юкаменском детдоме (до июля 1946 г. – пионервожатой, с 1.07.1946 до 11.08.1951 г – завучем), эти события описываются несколько иначе, чем у Марата, и, наверное, наиболее правильно.

Рида Дмитриевна пишет:

(Сборник «В стороне Юкаменской». Бушмелев Н.С., составитель, редактор и др. Глазов. 2000):

Стр. 53-54. ...Особенно трудными были 45-ый год и половина 46-го. Дело в том, что директора Гаврилову О.А. арестовали и посадили [в тюрьму] на 8 лет. Но как потом выяснилось, её посадили по причине гнусной клеветы и через год её освободили. Часть ребят-старшеклассников, видимо, чувствовали эту несправедливость. И вот они создали свою подпольную организацию, в которой были свои «командиры» и «доходяги». Они всячески вредили новому директору [Ямангуловой Гайше Фаисламовне – А.Х.], не признавали воспитателей, воровали, дрались, пропускали уроки, отдавали свою порцию хлеба «командирам». Утром воспитателям приходилось насильно их умыть, убирать в спальне.

Лексикон у них тоже был свой: мерявка – картошка, сиксот – ябедник (скорее всего, правильно: «сексот» - из ГУЛАГовского сленга «секретный сотрудник» - А.Х.). Многих из этих ребят собрали с улицы. Они уже общались с разными преступными элементами. И здесь они взяли под своё влияние большую группу мальчиков.

Вот почему в феврале 1946-го года появился приказ директора Ямангуловой Г.Ф. об отправке 21 воспитанника в г. Сарпул в Детскую исправительно-трудовую колонию [директор детдома едва ли могла издать такой приказ: детей в колонию, скорее всего, отправили по решению Юкаменского

суда – А.Х.]. Остальных ребят мы смогли вовлечь в интересные дела и их сердца оттаяли. Они поверили, что воспитатели желают им только добра. Дела наши пошли успешно. Воспитанники нам доверяли.

Лето 1946-го года. Мы стали замечать, что ребята прячут пищу, не всё едят. Оказалось, что воспитанник Иван Баженов сбежал из колонии и живёт в лесу. Ребята носили ему пропитание. Они упросили директора и воспитателей принять обратно Ивана в детдом, ручались за него. И мы приняли. Иван успешно окончил 7-ой класс, курсы киномехаников, жил в с. Понино у дяди. Вот так, постепенно из этих неуправляемых ребят, благодаря усилиям педагогов, вырастали нормальные люди.

Были в жизни детдома и очень трогательные, радостные моменты. Воспитывались у нас пятеро братьев и сестёр Ашембреннер, евреев по национальности. Они с матерью ехали из Одесской области и во время бомбёжки растерялись. Мать их всё искала. И нашла. Ребята бегут с известием: «У Ашембреннеров мама нашлась!» Мы все плакали от радости.

Ольга Антоновна была довольно высокой красивой худощавой женщиной, лицо типично русское (правда, эта моя оценка относится уже к нашим дням по памяти), жила она со своим воспитанником Эдиком в нашей бывшей школьной квартире, в которой мы жили до перехода в свой новый дом осенью 1940 года. Я довольно часто бывал у них, скорее всего, я посещал их вместе с мамой. В доме у них тоже не было никакой обстановки – дом был пустой. Я запомнил её воспитанника, молодого человека лет 14-15, высокого и очень худого, который при нашем приходе молча сидел у окна и никогда не заговаривал с нами. Как говорили дома, она из детдома взяла к себе юношу, которого нужно было отправить, как было положено тогда, в какой-нибудь колхоз на работу, ремесленное училище или в ФЗО на учёбу. Тогда выпуск детдомовцев «в жизнь» производилась с исполнением воспитаннику 15 лет (ниже я напишу о судьбе воспитанницы Дьяконовой Веры Николаевне, выпускнице детдома 1954 года).

Зимой 1945 года Эдик вместе с другими старшими ребятами убежал на фронт (об этом они сообщили в письме к маме).

С этого места своих воспоминаний о Юкаменском детском доме, я вновь приведу отрывки из диплома Марата Абашева:

стр. 37: «Первым директором детского дома была Ольга Антоновна Гаврилова, которая руководила детдомом с 1942 года по 1945 год. Ее обвинили в расхищении государственного имущества и осудили на 8 лет. Существующие сведения о ней весьма противоречивы.

С самого начала ее работы на посту директора детского дома Гаврилова О.А. показала себя, как отмечается в документах, хорошим хозяйственником и администратором. За короткий срок она создала материальную базу детского дома, помогла ему выйти на одно из первых мест среди школ района в учебно-хозяйственной работе. Общая успеваемость по детдому была 100 %. «В 1942 году из 88 воспитанников школьного возраста – отличников 21, с хорошими и отличными оценками 46 человек, что составило 76.1 %» Кроме того, хорошо был организован отдых. Далее сведения о ней... (Так в тексте диплома у Марата)

После слов: «Далее сведения о ней», Марат пишет, так же ссылаясь на архивные документы, сведения об Ольге Антоновне, о которых Рида Дмитриевна в своих воспоминаниях напишет несколько короче (повтор – А.Х.):

Особенно трудными были 45-ый год и половина 46-го. Дело в том, что директора Гаврилову О.А. арестовали и посадили [в тюрьму] на 8 лет. Но как потом выяснилось, её посадили по причине гнусной клеветы и через год её освободили. (выделено мною – А.Х.).

О том, как старшие воспитанники отнеслись к аресту Ольги Антоновны, у меня в воспоминаниях написано ниже. Я был очевидцем всего того, что происходило в детдоме, все это видел «снизу» глазами десятилетнего ребенка (каковым я был в 1945 году).

Продолжаю дальше писать свои воспоминания о Юкаменском детском доме.

Осенью 1944 года заместителем директора детдома по хозяйственной части (завхозом) принимают Балтачева Сулеймана Хадыковича из деревни Засеково Юкаменского района.

Выписка из похозяйственной книги деревень Засеково и В-Дасос [Юкаменского района] на 1943-1945 годы. (Глазовский архив. Ф. 245, оп. 1, д. 5)

лист 54 об.	Балтачев Сулейман Хадыкович	1911 –
	Жена Фарбиза Кисмат [овна]	1909 –
	Мать Гайша Газок[неразб.]	1865 –
	Сын Исмагиль Сулейм[анович]	1935 – [1995]

С сыном Сулеймана Балтачева Исмагилом, моим ровесником, я буду учиться со 2-го класса Палагинской средней школы и окончим среднюю школу в Юкаменском в 1953 году. Наши жизненные пути тогда разойдутся: Исмагиль сразу же после десятилетки поступит учиться в Кемеровское военное училище связи, затем будет учиться в Ленинграде в военной академии связи им. С.М. Будённого в 1963-1968 гг. В последние годы будет служить в Ленинградской области на какой-то ракетной точке в системе ПРО Ленинграда начальником службы связи, дослужится до воинского звания майор и внезапно умрет в 1995 году в шестьдесят лет.

С семьёй Исмагиля связан ещё один незначительный эпизод в моем детстве, правда, почти не связанный с жизнью детского дома. Во втором классе мы учились в центре Палагая в доме бывшего муллы Лотфуллы Габдулгалимовича Абашева, репрессированного в 1929 году и сосланного на лесоразработки на Север Свердловской области (там он и умер от голода в 1943 году). Тогда нас, второклассников и учащихся четвёртого класса, учила Рабига Закировна, наша же землячка из Большого Палагая. Итак, шёл какой-то урок, я сидел за партой с Якуп Равилем, нам что-то было скучновато, и мы с ним решили отрезать кончик косы у Зиннат Зайтуны, сидящей против нас. Равиль держал косу, я же обломком лезвия бритвочки старательно пытался отрезать довольно толстую косу Зайтуны. Вдруг Рабига апа подняла меня за левое ухо, и я, сидевший на скамейке парты «ноги калачиком», в этом же положении оказался на полу. Из уха пошла кровь (порвалась кожа на мочке уха). Я не помню, заплакал ли я тогда, но было очень обидно. Было это в декабре 1944 года, в течение двух последующих недель или немного больше до нового года, я не посещал школу. Мама со своим классами работала тогда в основном корпусе школы. Я дома никому ничего не рассказал, до окончания уроков где-то болтался на улице или катался на горках вокруг деревенского родника. Потом, дождавшись Исмагиля, идущего с уроков, с ним вместе шёл к нему домой, старательно переписывал из его тетрадей в свою всё, что он писал на уроках, и шёл домой готовить уроки, как будто я тоже был на уроках. (Примечание: в Палагае часто отчество, или имя отца, ставят перед именем. В тексте «Зиннат Зайтуна» означает Зайтуна Зиннатовна, соответственно: «Якуп Равиль» - Равиль Якупович).

В конце декабря 44 года в детдом приехали артисты из Глазова с большим концертом, я тоже туда пошёл, и тут Рабига апа, поймав меня, привела к маме и сообщила ей, что я не хожу на уроки вот уже больше двух недель подряд. Маме я ни разу ни тогда, ни позже, не рассказывал, почему я пропускал уроки.

Столь длинное отступление от моей основной темы записок я привёл вот почему: в один из дней декабря, придя с Исмагилом к ним в дом, я увидел, как его мама Фарбиза апа отрезала ему из большого домашнего ржаного каравая огромный душистый горячий ломоть и дала ему. Я тоже хотел есть, но меня его мама просто, видимо, не «видела» и мне не дала даже маленького кусочка.... У нас дома свой хлеб не пекли, у нас был только «магазинный» из пекарни сельпо, покупаемый на продовольственные карточки. Он был всегда плохо пропечённый и почти сырой (тогда я думал, что хлеб пекут сырым, чтобы он был тяжелее, может так и было). Этот случай мне запомнился на всю жизнь, и, когда я уже повзрослел, никогда не обделял и не обделяю кусочком хлеба, конфеткой или другой едой друзей и приятелей моих детей, маленьких братьев, и сестёр, многочисленных племянников и внуков...

Осенью 1945 года я зашёл с Исмагилом к ним домой после уроков. В школе мы с ним дружили, после уроков что-нибудь мастерили. Например, лук, арбалет, острогу из сталистой проволоки, которую нам дарил печник Гимран Хамитович, инвалид Первой мировой войны. Он в детдоме ремонтировал печки, и мы постоянно отирались около него. Иногда он просил перенести кирпичи поближе к нему или принести ведро глиняного раствора. На той войне он потерял одну ногу, попал в плен и прожил в Германии у гроссбауэра (немецкого фермера) несколько лет, смешно ругался по-немецки примерно так: «Их бин нохайн манн, дас ист дас...» и так далее, и нам было очень смешно, было это осенью 44-го или зимой 45-го, ещё шла война с Германией. Правда, перевода его слов я до сих пор не знаю. В сорок пятом году ему было пятьдесят восемь лет, но для нас он был очень уж старым. Из плена он вернулся после октябрьского переворота, и он же тогда дал нам первые уроки политграмоты: будто бы его хозяин гроссбауэр, о котором он вспоминал хорошо, говорил ему, что в новой России хорошей жизни не будет, потому что «У вас все воруют и не любят порядок». Потом я узнаю о немецком «Орднунг» и о том, к чему привёл немцев их хваленый «Порядок – орднунг» через два десятка лет после конца первой мировой.

Итак, я с Исмагилом зашёл к ним домой. Почти сразу за нами в дом зашли два милиционера и сказали дяде Сулейману, чтобы он собирался ехать с ними в Юкаменское. Тётя Фарбиза сразу поняла, что приехали арестовать мужа, и заплакала в голос. Один из милиционеров сказал ей по-

удмуртски: «Эн бырдэ!». Потом мне переведут эту фразу: «Не плач!». Отца Исмагиля увезли, в доме осталась гнетущая тишина. Дома я узнаю, что арестовали директора детского дома Ольгу Антоновну Гаврилову и завхоза детдома Сулеймана Балтачева по делу о растрате, которая выявилась после очередной ревизии в детском доме.

Правда, через некоторое время дядя Сулейман вернулся домой. Я не знаю, судили ли его вместе с Ольгой Антоновной, или нет. Но на директора детдома записали растрату в 20 000 рублей, а почему завхоз, материально ответственное лицо, был отпущен на свободу, я до сих пор не знаю. В детдоме он проработает завхозом ещё некоторое время, потом перейдёт работать продавцом в магазин Палагинского сельпо (на первом этаже двухэтажного здания, бывшего магазином и жилым домом на втором этаже, какого-то репрессированного в начале 30-х гг. Палагинского купца) в углу переуллка на сельское кладбище.

Через два года (в конце лета 1947 г.) в нашей семье серьёзно обсуждался вопрос о переезде нашей семьи на родину отца в деревню Табарле Агрызского района Татарской АССР. Из семейных преданий мне известно, что будто бы отцу из Табарлинского сельсовета пришло письмо с просьбой принять в наследство отцовский (дедушкин) двухэтажный дом. Теперь-то я документально знаю, что по приговору «тройки» НКВД деда Хабибрахмана приговорили к высшей мере наказания с конфискацией имущества в конце 1937 года и никакого дома, оставленного в наследство его сыну, моему папе, не могло быть:

Вот выписка из «Книги памяти – Республика Татарстан», электронный адрес: <http://www.memo.ru/memory/kazan/>

ГАЛЕЕВ Хабибрахман, 1867 г.р., место рожд.: Агрызский р-н, с.Табарле, жил там же. Татарин, имел сына, мулла. Арестован 20.12.37 ("проводил религиозные обряды, призывал верующих не ходить на выборы"), осужден тройкой НКВД ТАССР 28.12.37 по ст. 58-10. Приговор: ВМН, конфискация имущества. Расстрелян 5.1.38 в г. Казань. Реабилитирован 23.5.89.

Примечание: в «Книги памяти» ошибка, по архивным документам мой дед родился в 1861 году.

Уже в двадцать первом веке земляк отца Раиф Фатхуллович Марданов, кандидат филологических наук, учёный и писатель, проживающий в Казани, сообщил мне, что в архивах по Табарлинскому сельсовету копии письма с таким содержанием не обнаружил (он же мне в начале 2000 гг. послал ксерокопии подлинных *«расстрельных»* документов деда Хабибрахмана из архива НКВД-МВД-ФСБ Татарстана). Возможно, в письме писали о доме одного из братьев отца, который погиб в Великую Отечественную войну и у него не нашли прямых наследников. Переезд в Табарле у нас в доме долго обсуждали, как переезжать с такой большой семьёй? Нас тогда было в доме 9 человек: самой старшей - бабушке - 75 лет, самому младшему - брату Рашату - чуть больше одного года...

По рассказам родителей, в один из вечеров осени 1947 года к нам пришёл С.К. Балтачев, видимо, узнавший о возможности продажи дома, и предложил отцу продать ему наш дом за 27 000 рублей. Наш дом тогда был относительно новый, мы переехали в него в 1940 году. Какие были тогда цены, я не знаю, даже сейчас специально вопросами цен на недвижимость в ту послевоенную пору (в конце сороковых годов двадцатого столетия), не занимался. По каким-то соображениям родители отказались продать дом.

Из семейных преданий: отца от переезда в Табарле отговорил инструктор (или секретарь) Юкаменского райкома партии Ардальон Александрович Веретенников, который был близко знаком с моими родителями в конце двадцатых годов, когда родители работали ещё в деревне Шэфеево Юкаменского района с 1926-го до лета 1930-го года:

Глазовский архив. Ф. 176, оп. 1, д. 17. Юкаменский райисполком. Протоколы собраний бедноты о закрытии церквей и мечетей. 8 октября 1930 – декабрь 1931 на 103 листах.

листы 16-18 <...> «В протоколе общего собрания жителей д. Шэфеево от 22 февраля 1930 года по вопросу изъятия мечети, написано, что на собрании <...> присутствуют «уполномоченные по ликвидации кулачества Галеев [X.X.], Веретенников Ард[альон] Ал[ександрович], Трефилов А.Н. и Арасланов Н[урислам] – председатель сельсовета».

Ардальон Александрович же в 1938 году предложил отцу место для строительства дома на территории школьного городка восточнее новой школы. Видимо, А.А. Веретенников имел в виду новую Школьную улицу с будущими домами для учителей, отчего главный фасад нашего дома имел

странную ориентацию по странам света – северо-западную. Относительно грунтовой дороги (тракта) дом так же имел странную положение: огородный участок выходил к этому тракту, оставляя дом в глубине участка за огородом, так что пыль при проезде автомобильного и другого транспорта почти не доходила до дома. Через несколько лет детдом построит несколько жилых домов, в том числе двухэтажный 4-х квартирный дом, перевезённый из середины Палагая, но новая улица так и не проявилась и до 1990-х годов все эти дома, включая наш дом, исчезли с лица земли.

Как-то отец рассказывал, что они с мамой до войны, до начала строительства нового дома, облюбовали было пустую усадьбу рядом с домом Галяутдина Камалиевича Абашева (по прозвищу «Саматай») 1891 г.р., которую (т.е. пустую усадьбу) потом займёт Хисаметдин Низамутдинович 1900 г.р., ослепший очень рано после чёрной оспы.

В 1938 году, когда готовились закладывать дом, Ардальон Александрович сказал отцу, что у вас растут три сына (Тавис 1927 г.р., Равиль 1928 г.р., Азат 1935 г.р.) и две дочери (Асия 1932 г.р., Алсу 1937 г.р.; Алсу умрёт от пиелонефрита осенью 1940 года), и добавил: **«Как вы думаете управлять с такой оравой парней, поселившись в самой деревне? У вас ведь ещё будут дети?»**.

И в самом деле, мы, дети, росли в стороне от деревни как на отдельном хуторе, независимые ни от каких соседей и практически не включаясь в жизнь односельчан. А детей после начала строительства дома народилось ещё 5 человек: Роза 1939 г.р.; Гульсум 1941 г.р.; Рашат 1946 г.р.; Таслима 1948 г.р.; и Ильдус 1950 г.р. А всего нас, детей в семье у родителей, было 9 человек!

По каким соображениям родители отказали С. Балтачеву, я не знаю. В действительности чуть ли не на следующий день по радио объявили денежную реформу 1947 года. Если бы отец продал дом, то наша семья осталась бы без дома и без денег. Как известно, денежная реформа министром финансов Зверевым готовилась по заданию И.В. Сталина с 1943 года и в большой тайне. Условия обмена старых купюр на новые были очень жёсткими, весьма ограниченными и сложными.

После Великой Отечественной войны в 1947 году была проведена денежная реформа, сопровождаемая отказом от карточной системы. В ходе реформы был проведён непропорциональный обмен старых денег на новые (10:1). Прежде всего пострадали граждане, имевшие сбережения [из Википедии].

Попробую описать, каким был Сулейман Самигуллинович Балтачев (по архивным документам – Сулейман Хадыкович), когда его семья переехала в Б-Палагай. Тогда ему было всего 33 года, это я узнаю уже гораздо позже. Тогда он мне показался довольно пожилым мужчиной, плотного телосложения, довольно высоким (тогда мне было всего 9 лет). В армию на фронт или на трудовой фронт его не взяли из-за изувеченной левой руки. У него, как он сам рассказывал, когда-то в молодости по несчастному случаю при разделке мяса были отрублены пальцы левой руки наискосок одним ударом топора от первой фаланги указательного пальца до третьей фаланги мизинца.

О том, что Сулеймана абзья (у татар абзый – дядя - обращение к постороннему мужчине старшего возраста или к старшему брату с добавлением к имени) по отчеству называли **Самигуллинович**, но не **Хадыкович**, мне сказал Раиф Габдульхаевич Абашев, работавший в конце 80-х гг. председателем сельсовета в Палагае. Сулеймана абзья тогда уже не было в живых, а я его отчество в те послевоенные годы забыл, или совсем не знал по малолетству, поэтому в работе с этой главой в конце 2010-х годов, я писал его отчество на всех страничках этих записок, пользуясь архивными данными как **Хадыкович**.

Здесь я повторюсь: **Выписка из похозяйственной книги деревень Засеково и В-Дасос [Юкаменского района] на 1943-1945 год. (Глазовский архив. Ф. 245, оп. 1, д. 5)**

<i>лист 54 об.</i>	Балтачев Сулейман Хадыкович	1911 –
	Жена Фарбиза Кисмат [овна]	1909 –
	Мать Гайша Газок[неразб.]	1865 –
	Сын Исмагиль Сулейм[анович]	1935 – [1995]

Здесь я выпишу ещё несколько интересных архивных сведений по деревне Засеково Дёбинского сельсовета Красногорского Ёроса, относящихся к 1929-1933-м годам. В похозяйственных книгах д. Засеково я не нашёл жителя деревни по имени **Хадык** и позволил себе предположить, что это имя было у **Балтачева Кадыра Набиуллина**. Я предположил, что Сулейман абзый, желая скрыть своё отчество **Кадырович**, в своих документах переписал его как **Хадыкович**. Весьма возможно, потому, что **Кадыра Набиуллина** после 1933 года подвергли репрессиям и раскулачив, сослали на Северный Урал или в Архангельскую область, а Сулейман абзый боялся за себя и за свою семью – тридцатые годы были очень суровые.

Выписки из архивного дела по налогообложению мельников Красногорского Ёроса:

Глазовский архив. Ф.181, оп. 1, д. 7. Юкаменский райфинотдел. Дело по обложению налогом владельцев мельниц за 1929 – 1930 гг.

Листы 1, 14. д. Засеково, на р. Убыти, 2 постава, с/с Дёбинский Красногорского Ёроса уполномоченный Балтачев Нытфулла Кисматович. Зарплата мельникау 30 руб. в месяц. Производительность мельницы 37 125 пудов в год, плата (гарнцевый сбор) – 2 фунта/пуд ржи и 3 фунта /пуд яровых.

На мельнице два постава мукомольных, 1 постав обдирочный. [39].

В другом архивном документе записано, что в январе 1933 года мельником (уполномоченным) в Засековской мельнице работал *Балтачев Кадырь Набиуллин*, (я предполагаю, что это был отец Сулеймана Балтачева), обложенный налогом в сумме 120 рублей. Правда, по архивным документам мне не удалось выяснить, кем же работал *Кадыр Набиуллин* до 1929 года (Глазовский архив. Ф.181, оп. 1, д. 83). А может быть, всё было проще: у татар часто меняют имена в детстве, если ребёнок часто болеет и родители боятся, что злой дух болезни «чир» может «забрать» ребёнка к себе...

Поэтому иногда у татар фамилия, имя и отчество в документах не совпадает с обычными, применяемыми в быту, и только в официальных обстоятельствах они записываются правильно. Вот пример этому: в Палагае жили (их потомки живут и сейчас), переселившиеся из Татарии ещё до октябрьского переворота, семья *Шарафутдиновых*. Эта семья в Палагае носила фамилию «*Абашевы*», только после смерти главы семьи *Гайфутдина* на его могильном камне его дети написали «*Шарафутдинов Гайфутдин Шарафутдинович*». Его четверо сыновей, погибших в Великой Отечественной войне *Гафурзян, 1910 г.р., Мубарак, 1916 г.р., Кытдыс, 1918 г.р., Гарафутдин, 1925 года рождения*, в «Книге памяти Удмуртии» записаны под фамилией «*Абашевы*» (Книга памяти. Том 4. Ижевск»Удмуртия» 1994. стр. 290-291).

После возвращения Сулеймана Хадьковича Балтачева из СИЗО (следственного изолятора) через несколько месяцев, он перешёл работать продавцом в сельповский магазин. Магазин был на первом этаже двухэтажного здания, когда-то бывшим магазином одного из раскулаченных в 1930-х годах Палагинских торговцев, на втором этаже была контора Палагинского сельпо. Это здание стояло в углу переулка, который ведёт на Палагинское сельское кладбище, и оно дожило до 1970-х годов. В начале семидесятых Юкаменское райпо построило на его месте каменное здание нового магазина. В 50-е годы работа дяди Сулеймана в магазине состояла в приемке, картофеля осенью, куриных яиц, мёда, грибов, кожсырья и ивового корья от населения, продаже некоторых продуктов питания, как соль, мука, водки в бутылках и бочечного, керосина, конской сбруи и прочих «колониальных» (конфет, чая, табачных изделий и пр.) товаров. Например, летом в начале 50-х отец меня посылал сдавать мёд от нашей домашней пасеки из двух ульев в этот магазин. Мёд принимался по 13 рублей 50 копеек за килограмм. Я до сих пор не смог найти сведений в справочной литературе и в Википедии, в счёт чего принимали этот мёд: в счёт сельхозналога с пасеки, или отец продавал мёд от недостатка денег в семье. Как я уже упоминал выше, зимой 45-го года мама купила в д. Макшур Глазовского района корову за 28 пудов ячменного зерна и ножную швейную машинку «Зингер». Зерно (пшеницу и ячмень) заработали мои старшие братья Тавис и Равиль, работавшие в 1944 году в Юкаменской МТС. Так вот, в продолжение записи о продаже (или сдачи?) меда в сельпо: в течение шести или семи лет после окончания Великой Отечественной войны, наша семья обязана была в счет сельхозналогов с приусадебного участка, ежегодно сдавать 880 литров молока в год. И это при такой большой семье! Я помню, что в 1950-1953-х годах мы садились обедать в количестве не меньше 11 человек, и это без гостей, а в тёплое время года и осенью у нас постоянно и подолгу жили до 6-9 человек родственников...

В начале 50-х прошлого столетия (наверное, с 1951 года), семьям сельских учителей этот молочный налог отменили (так же тогда отменили плату за обучение в средней школе детям учителей: я помню, что в 8 классе, в 1950-1951 уч. году, я уносил в школу плату за обучение в Юкаменской средней школе 150 рублей; уже забыл, 150 рублей за полугодие, или за весь год сразу...).

Дядя Сулейман в эти и последующие годы (в конце сороковых и в пятидесятые годы прошлого столетия) сильно пил, его жена Фарбиза апа постоянно ходила в синяках, сильно попадало и старшему сыну Исмагилю, моему ровеснику. В 1952 году бабушка Гайша купила внуку фотоаппарат «Любитель», отцу то ли не понравилось, что дорогой подарок купили без его ведома, то ли по какой другой причине, но он зверски избил сына и вдребезги растоптал этот фотоаппарат... Относительно недавно (лет десять тому назад), Азат Сулейманович рассказал мне, что его бабушка Гайша, мать Сулеймана, оказалась русского происхождения из какой-то русской деревни

Красногорского района и у неё там имя было Прасковья. Азат рассказал мне, что он видел некие документы, и что он хочет обратиться в архив Святогорского (Красногорского) района. В последующие встречи с ним я не вспоминал об этом, а А.С. сам не рассказывал больше ничего.

В 1946 году Фарбиза апа родила сына Азата и чуть не умерла от родильной горячки. В деревне рассказывали, что если бы не было новейшего лекарства пенициллина, едва ли бы она выжила. В этом же году у детдомовской прачки Таушевой Ефарбики родился сын Яхия Сулейманович, и в этом же году у Гульбики Хузяхметовны Абашевой в Палагае же, родился сын Мавля Сулейманович. Надо сказать, что мальчики росли очень дружно, признавали своё единокровство, да и сейчас, когда они все уже на пенсии, не теряют родственных отношений. В 1962-1966 годах, когда я работал завучем по производственному обучению по программе подготовки электромонтёров сельского хозяйства, я обучал их в Палагинской средней школе, и они получили квалификацию сельских электромонтеров. Мавля до сих пор работает в Палагае, хотя уже на пенсии, сельским электриком. Азат и Яхия живут в Юкаменском. Яхия всю свою жизнь, до выхода на пенсию, работал электриком на Юкаменской электрической подстанции, газовиком, в органах МВД.

Когда Исмагиль приезжал в отпуск, мы с ним общались, встречаясь то у них, то у меня в доме

В декабре 1963 года Исмагиль женился на учительнице Палагинской школы Асие Касимовой. Я у них на свадьбе был виночерпием: мне доверили весь винный «погреб», и я угощал всех гостей с учётом степени опьянения каждого из них. Когда все гости разошлись, мы с Исмагилом сели за стол, я его поздравил с женитьбой и, наконец, мы тоже выпили...

После ареста Ольги Антоновны Гавриловой директором детдома была назначена Гайша Фаисламовна Ямангулова 1909 года рождения.

Здесь я снова сделаю вставку фрагмента из диплома Марата Абашева:

стр. 38, 39: О.А. Гаврилову на посту директора сменила Г.Ф. Ямангулова (1945-1948 года), очень властолюбивая женщина, которая смогла бы держать под контролем весь детский дом, но до конца не реализовала себя, потому что она имела всего три класса образования. Ни о каком педагогическом образовании речь не шла. Она была неплохим хозяйственником, но совсем не обладала человеческим и педагогическим тактом: «Часто делала замечания работникам детского дома в присутствии воспитанников грубой форме», - отметила в отчете от одной из проверок детдома инспектор управления школ А.И. Ламаева

В архивных документах по Юкаменскому РОНО записано, что Гайша Фаисламовна Ямангулова была направлена в Б-Палагай учительницей после окончания Мензелинской девятилетки Татарской АССР и работала в Палагинской НСШ с 1938 года, а не была необразованной, то есть с трехлетним образованием, как пишет Марат Абашев. Кто из нас прав, я не знаю: и Марат, и я пользовались архивными документами, правда, из разных фондов.

Рассказывает Рида Дмитриевна Владыкина, бывшая завучем Юкаменского детдома с июля 1946 г. до августа 1951 г (повтор, см. выше - выделено и подчеркнуто мною полужирным курсивом – А.Х.):

Особенно трудными были 45-ый год и половина 46-го. Дело в том, что директора Гаврилову О.А. арестовали и посадили [в тюрьму] на 8 лет. Но как потом выяснилось, её посадили по причине гнусной клеветы и через год её освободили.

По моим детским воспоминаниям, старшие воспитанники увидели зло в новом директоре и вредили именно ей, Гайше Фаисламовне Ямангуловой. Рида Дмитриевна пишет (там же), что

<...> ... в феврале 1946-го года появился приказ директора Ямангуловой Г.Ф. об отправке 21 воспитанника в г. Сарапул в Детскую трудовую колонию <...>

Как рассказывал Василий Дмитриевич Ходырев, работавший в 45-46-х гг. воспитателем, тогда отправили в колонию 12 человек (его рассказ читайте ниже).

Кто из них прав, я не знаю, они – Рида Дмитриевна Владыкина (урожд. Салтыкова) и Василий Дмитриевич Ходырев - оба тогда, в 1945-1946 году - работали в детдоме...

Единственное, что я могу предположить: директор детского дома не могла без суда отправить воспитанников в детскую колонию в Сарапуле. Марат в своем дипломе пишет только об одном случае: *стр. 39. Так были осуждены воспитанник Николаев Леонид за воровство [далее – несколько фамилий и имен взрослых] но он не пишет, что тогда был отправлен в колонию 21 воспитанник...*

Гайша Фаисламовна Ямангулова оказалась очень требовательной и, по мнению старших ребят, очень несправедливой (так же ее характеризует Марат Абашев в своем дипломе, я с ним совершенно солидарен – А.Х.). Видимо, детям не объяснили, в чём заключалась вина Ольги Антоновны и за что её посадили в тюрьму. Дети буквально взбунтовались! И начали вооружаться. Это я хорошо

помню, так как в зиму 1945 года ходил питаться в столовую детдома вместе с воспитанниками за одним столом, а потом поднимался к ним в спальню и почти все свободное время (в непогоду) играл там с ними. На всю жизнь я запомнил вкус какао, который варили в детдоме из продуктов, получаемых из США по ленд-лизу. Какао было довольно жидким, кажется, и молока туда наливали по уменьшенной норме, но зато какао можно было пить кружками досыта. По-моему, детдомовские повара какао варили специально в избытке, хотя он был и жидковат, и не очень сладким.

В спальнях начались обыски (на языке воспитанников «шмоны»), из района приезжали милиционеры, они всем, кто был в спальне, приказывали лечь на койки, что-то искали в тумбочках, потом ребят выстраивали у стены, проверяли карманы и обыскивали постели. Находили оружие – самодельные ножи, стилеты, сделанные из полотен продольных и поперечных пил, самодельные литые свинцовые и алюминиевые кастеты и изымали их. Если я был в спальне, меня тоже так же обыскивали, как и детдомовских ребят. Перед тем, как милиционеры заходили в спальню, ребята ловко бросали ножи и финки на потолок спальни. Меня до сих пор удивляет, как обыскивающие не осматривали потолок: ножи эти потом снимались ребятами длинными шестиками. Надо отметить, что потолки в комнатах были очень высокими – не менее 4 метров, школа была типовая. Потом многих старших воспитанников арестовали и увозили в Юкаменское. По-моему, никто из этих ребят больше не возвратился в детдом.

К зиме 1945 года старшие ребята-детдомовцы перестали слушаться воспитателей, убили и съели всех кроликов, добрались до детдомовского курятника, начали воровать продукты из склада. Однажды на речке мои ровесники-детдомовцы отсыпали мне полную пригоршню сахарного песка, попросили сразу всё это съесть и никому об этом не рассказывать. Сахар они «добывали» так: забравшись с заднего фасада деревянного продуктового склада под него, высверливали деревянный пол под сахарным мешком и отсыпали песка столько, сколько они хотели или могли.

У меня есть запись беседы на диктофон с бывшим тогда воспитателем, учителем музыки и массовиком в детдоме Ходыревым Василием Дмитриевичем, фронтовиком. В Юкаменском детдоме он работал с осени 45 года до 46-го. Запись я сделал летом 2004 года в Палагае, когда он приезжал на похороны своей племянницы Риды Дмитриевны Владыкиной (1925-2004).

В.Д. Ходырев до войны окончил железнодорожный техникум. Он хотел после войны уехать на работу по специальности, но старые родители, жившие в селе Ежеве, воспротивились этому.

Рассказывает Василий Дмитриевич:

В сентябре 1945 года моя племянница Рида, 1925 года рождения, уговорила меня пойти в Юкаменский РОНО. Она только что окончила педагогический (или учительский) институт в Глазове и заведующая РОНО Травкина направляла её на работу в Б-Палагай в Юкаменский детдом пионервожатой. Узнав, что у меня среднетехническое образование, и что я умею немножко играть на гармошке, зав. РОНО уговорила меня поступить на работу в детдом. Сказала, что в детдоме почти нет воспитателей-мужчин, и что Вы, фронтовик, очень будете там на месте. Я согласился.

Директором детдома тогда была Ямангулова Галина Фёдоровна - вспоминает он, - я не знаю, кто был директором до неё (я думаю, за почти 60 лет прошедших после 1945 года, в 2004 году Василий Дмитриевич просто забыл об этом – А.Х.).

Когда мы с Ридой приехали в Палагай, нам выделили закуток за заборкой прямо в детдоме, у нас не было даже комнатки, нас приняли за брата и сестру, я был старше Риды на 3 года, потому что отчества у нас были одинаковые, и мы оба были из села Ежево. После уже разобрались, что я был Риде дядей. Отдельную комнатку имела только медсестра Анна Алексеевна. У нас не было печки, мы топили железную печку-буржуйку, так и перезимовали... Мы не сетовали на судьбу: только что закончилась война и мы должны были как-то выживать.

Дети постарше никого не слушались, когда мы приехали, в детдоме такое творилось! <...> Мы узнали, что дети хотели устроить побег через Киров по Вятке вниз и хотели добраться до Астрахани. Перед побегом они хотели разграбить и поджечь детдом, убить директора и воспитателей, среди старших воспитанников у них были, видимо, организаторы, потому что каждому из них отводилась определённая роль – кому что делать.

Попытка поджечь детдом всё же была, однажды ночью подожгли внутреннюю дверь. К счастью, загорание во время заметили и потушили. Тогда арестовали и отправили в детскую колонию группу из 12 человек. Среди арестованных оказался один из братьев Терёшиных, и когда мы оформляли в сельсовете документы, нам сообщили, что младший Терёшин повесился прямо в спальне. К счастью, его успели снять и спасти. Таких острых ситуаций было достаточно много. Только после этих предпринятых решительных мер в детдоме стала нормальная обстановка.

После Г.Ф. Ямангуловой директором Юкаменского детдома назначили Алексея Андреевича Владыкина, который вернулся из госпиталя, пролежав больше года с тяжёлым ранением ноги в

уличных боях в Берлине 1 мая 1945 г. Мы (это я и воспитанники детдома) буквально бегали за ним: Алексей Андреевич ходил с тросточкой, сильно хромая на раненую ногу, через расстёгнутую кожаную куртку были видны боевые ордена и медали. Он был командиром взвода разведки (в 1943-1944 гг.), командиром стрелковой роты (с апреля 1944 г. до конца войны) и имел воинское звание гвардии капитан (см. ниже его послужной список с Центрального архива Министерства Обороны РФ). Алексей Андреевич Владыкин был награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Боевого Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями: «За оборону Москвы», «За взятие Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

С 1935 г. после окончания Юкаменской ШКМ в 1932 г. до Великой Отечественной войны он работал в Юкаменском районе учителем географии. В 1947 г. он поступил в Глазовский учительский институт и окончил его в 1949 г. и почти сразу же поступает в Кировский педагогический институт им. В.И. Ленина и оканчивает его по специальности учитель географии. В семилетке он нам преподавал географию. Его уроки мы слушали, затаив дыхание: он рассказывал так, что нам казалось, что мы путешествуем вместе с ним пешком по стране, о которой он рассказывал.

Нам тогда он казался очень взрослым (пожилым), а теперь я знаю, что тогда ему было всего около 30 лет. Много лет спустя, встречаясь с Владыкиными, а мы в Палагае были соседями и дружили домами, а в 1962-1966 гг. я работал с ними в Палагинской средней школе, я иногда «заводил» их: «Скажите, в 46 году кто в кого первый влюбился? Вы, Рида Дмитриевна, или Вы, Алексей Андреевич бегали за ней?». После их шуточных пререканий я объявлял, что всё-таки Рида Дмитриевна начала первой, и рассказывал, как осенью 46-го года мы с детдомовскими ребятами играли «в тыку» на тропинке около детдома. Мимо нас прошёл, прихрамывая и опираясь на тросточку, Алексей Андреевич и проследовал в деревню. Мы его немного проводили и вновь занялись игрой. Немного погодя из детдома выбежала Рида Дмитриевна и спросила нас: «Мальчики, здесь не проходил дяденька с тросточкой?» - мы, не отрываясь от игры, небрежно махнули рукой в сторону деревенской улицы: «Проходил, проходил, ушёл в эту сторону!». Рида Дмитриевна побежала в ту же сторону. Они на меня не обижались, наверное, они в этом же году поженились (со слов Риды Дмитриевны - 30 ноября 1946 г.), потому что в 1947 г. родился их первенец Ваня.

(Забегу немного вперед и напишу о Ване: **Иван Алексеевич Владыкин – неоднократный чемпион Удмуртии и ЦС ФИС, призёр РСФСР, мастер спорта СССР по пулевой стрельбе (пистолет). Его рекорд, поставленный в 1976 году, не побит - 559 очков на 50 метров из МП-6 (из 600 возможных) (как мне известно, рекорд не был побит до 1993 года, был ли побит позже – не знаю – А.Х.). В эти годы он был «невъездным», так как отказывался вступить в ряды КПСС. Работал в Глазове тренером в тире СК «Прогресс» Чепецкого механического завода. Тренировал мастера спорта СССР и международного класса, чемпиона мира по пулевой стрельбе Сергея Михайловича Бармина.**

Источник: Глазов спортивный. Глазов. 1993. Стр. 237-243).

(Пояснение: «Тыка» это игра с остро отточенным напильником или ножом, состоящая в том, что игрок с разных положений должен был втыкать острый конец напильника в очерченный круг на земле; выигрывал тот, кто первый заканчивал игру. Выигравший кон имел право гонять проигравших по площадке двора или внутри здания (зимой) на одной ноге от места своего стояния до точки, куда победитель бросал напильник до того момента, когда он промахивался и напильник плашмя ложился на землю (пол). Например, проигравшего (и меня тоже) гоняли таким образом вокруг детдома по несколько кругов, вставать на обе ноги или менять ногу проигравший не имел права. Особенно тяжело было отрабатывать проигрыш внутри детдома: приходилось по несколько раз скакать на одной ноге по коридорам и вверх и вниз по лестницам двухэтажного здания... - А.Х.).

С приходом Алексея Андреевича в детдом обстановка нормализовалась, дети буквально были влюблены в него и он всегда был в окружении не только малышей, но и более старших воспитанников. Для всех он находил ласку и тёплые слова. При нём детдом буквально расцвёл. В детдоме начали работать различные кружки, вновь организовался ансамбль художественной самодеятельности. Тогда Рида Дмитриевна вела уроки русского языка и литературы, после уроков читала ребятам рассказы русских и советских писателей и всегда при полном классе. Она была небольшого роста, очень красивая, с очень большими и выразительными глазами. Воспитанники, и я тоже, просто обожали её и никогда не пропускали занятия её кружка русского языка. Я запомнил, как она читала рассказ И.С. Тургенева «Бежин луг».

Под впечатлением услышанного, мы, я и несколько воспитанников детского дома, несколько раз ходили на ночную с колхозными ребятами на берег Убыти в сосняк, росший на песчаном острове на Палагинских лугах выше урочища «Нарат чишмэ», сидели всю ночь у костра и пекли

картошку. В темноте ночи нам всё казалось, что на лошадей могут напасть волки, и нам всегда немного было страшно. Правда, я помню, что я сильно мёрз тогда: или ночи были холодными, или одёжонка была так себе, даже жар костра не прогрел меня (и всех нас, наверное?). Этот сосняк будет раскорчёван при строительстве обходной автодороги, минующей д. Палагай, а песок с этого островка на лугах будет передвинута в тело насыпи шоссе.

Ниже выписки из копии документа из Центрального архива Министерства Обороны РФ (г. Подольск Московской области) «Послужной список гвардии капитана в отставке Владыкина Алексея Андреевича»:

Вступил на службу в Советскую Армию 25 ноября 1939 г.

Наименование части	Наименование должности	Год, месяц и число
289 мото. стр. полк 44 стр. корпус 20 арм.	Курсант полковой школы.	1939.25.11
289 стр. полк 44 корпус 20 армии	командир отд. Разведки	1940.15.10
Эвакогоспиталь гор. Козельск Смоленской обл.	ран-больной	1941.16.07
780 стр. полк, 214стр. дивизии Западного фронта	ком. отделения разведки	1941.8.08
353 Курсантакий зап. стр. полк г. Владимир МВО	курсант	1941.9.11
353 Курсантакий зап. стр. полк гор Владимир МВО	ком. стр. взвода	1942.19.01
Курсы «Выстрел» гор. Горький МВО	Слушатель	1942.20.04
837 стр. полк, 43 армии Калининского фронта 238 стр. дивизии	командир взвода разведки	1942.25.05
Эвакогоспиталь № 2784 г. БугульмаТат. АССР	ран. больной	1942.26.11
137 стр. полк 46 стр. дивизии	Офицер резерва	1943.16.02
1008 стр. полк, 266 стр. дивизии 3 гв. армии	командир взвода разведки	1943.27.04
1008 Кишиневский стр. полк 266 Артемевский стр. дивизии, 26 гв. стр. корпус 5 Ударной Армии 1 Белорусского фронта	командир стрелковой роты	1944.24.09
Эвакогоспиталь № 1709 г. Свердловск г. Ирбит	ран. больной	1945.01.05 по 1946.20.08

Уволен в запас по ранению со званием «капитан»

**Юкаменский райвоенком майор п/п Тамонько
Зав. архивохранилищем В. Сенько**

Сразу после Великой Отечественной войны после окончания в 1944 г Глазовского учительского института Рида Дмитриевна Салтыкова поступила работать в Ежевскую семилетнюю школу учительницей русского языка и литературы, а в ноябре 1945 г. была переведена в Юкаменский детдом пионервожатой, учительницей, в июле 1946 г. была назначена завучем детдома; потом директором Палагинской средней школы. Уже работая в школе и обременённая большой

семьей, она в 1955-1959 годах окончила Глазовский педагогический институт им. В.Г. Короленко по специальности учительница русского языка и литературы. После выхода на пенсию в Палагинской средней школе организовала народный музей.

Вот что рассказывал дальше Василий Дмитриевич:

Только после того, как отправили в колонию 12 человек, в детском доме был наведён порядок. Детский коллектив стал очень сплочённым. Я играл на гармошке, и мы создали очень хороший коллектив самодеятельности и даже ездили на олимпиады детского творчества. Помню, в Ижевске мы выступали во Дворце культуры машиностроительного завода на ул. им. М. Горького.

Завучем тогда была Мария Егоровна Пономарёва, её муж, старший лейтенант Зянмухамат Мухаматович, говорили мне, погиб в 1944 году в боях в Крыму. Она осталась с четырьмя детьми, тогда двоим из них дали путёвку на питание в детдоме.

Родом она из деревни Озегвай Глазовского района. Её отец в начале 30-х годов прошлого столетия был записан как кулак, но в архивных документах я не обнаружил, преследовался ли он и его семья преследованиям по этому поводу. В эти же годы Мария Егоровна окончила Юкаменскую девятилетку и была направлена в Большой Палагай работать учительницей. Не позже 1933 года она выходит замуж за Палагинского татарина Зянмухамата Мухаматовича Абашева (1914-1944). У них рождаются четверо детей: Мадина в 1934 году, Флюра в 1935 году (моя ровесница), Лаля в 1937 году, Амир в 1940 году. Марию Егоровну мы, её ученики, любовно называли Маша апа, она прекрасно говорила по-татарски и в первом классе в 1943-1944 учебном году обучала нас по татарской программе.

В конце 1936 года З.М. Абашева призывают в ряды РККА. 1940 году сержанта запаса З.М. Абашева военкомат направляет на шестимесячные курсы в грузинский город Сухуми. После курсов ему присваивают офицерское звание и до начала войны с фашистской Германией, он служит в г. Ленинкане Армянской ССР. Весной 1940-го года у Марии Егоровны родился четвертый ребенок – сын Амир, которого отец только и успел подержать в руках в трехмесячном возрасте.

Всех своих четверых детей Мария Егоровна воспитала одна. Летом 1944 года пришла похоронка на Зянмухамата Мухаматовича, в котором сообщалось, что старший лейтенант Зянмухамат Мухаматович погиб как герой 6 мая 1944 года и похоронен в г. Балаклаве на южном побережье Крымского полуострова.

Абашев Зянмухамат Мухаматович, род. 1914, д. Палагай. Призван в Сов. Армию в 1940. Ст. лейтенант. Погиб в бою 6 мая 1944. Похоронен: г. Балаклава Крымской АССР

Выписка из «Книги памяти Удмуртской республики. Ижевск. 1994.». Стр. 291.

Мария Егоровна всю свою оставшуюся жизнь посвятила своим детям.

В годы Великой Отечественной войны Мария Егоровна работает учительницей начальных классов, завучем Палагинской средней школы. После перевода Юкаменского детдома в Большой Палагай с сохранением названия, в 45-46-х годах и в начале 50-х годов Мария Егоровна завуч Юкаменского детдома и учительница начальных классов. На пенсию она вышла в 1966 году.

Своим детям Мария Егоровна и Зян Мухаматович передали свой учительский талант, все они, получив педагогическое образование, посвятили себя работе в школах страны.

Старшая дочь Мадина Зяновна после окончания Б-Палагинской семилетки, окончила Глазовское педучилище и была направлена на работу в деревню Ворца Ярского района. Там она нашла свое семейное счастье - с мужем Ануром, колхозным механизатором, родили и воспитали троих детей. Сейчас у них двое внуков. Мадина Зяновна, уже обремененная семьей, заочно закончила факультет русского языка и литературы Глазовского пединститута. Сейчас она на заслуженной пенсии.

Флюра Зяновна после окончания Юкаменской средней школы в 1953 году, начала работать в Палагинской семилетней школе учительницей русского языка и литературы. Одновременно она учится заочно и заканчивает факультет русского языка и литературы ГГПИ. После закрытия в 1959 году Юкаменского детдома в Палагае, семилетка вновь становится средней школой с одиннадцатилетним обучением. В 1962-1963 учебном году мне посчастливилось вместе с нею поработать в Палагинской средней школе. Моя ровесница и одноклассница Флюра Зяновна тогда работала завучем средней школы, а я – завучем производственного обучения (мы по Хрущевским преобразованиям школьного обучения начали готовить сельских электриков).

Флюра Зяновна в 1958 году вышла замуж за офицера СА земляка Исмагиля Хатимовича, но не смогла сразу уехать к мужу, так как у него еще не было своей квартиры, поэтому она с первым сыном Мусой пока жила в Палагае. В 1963 году Флюра Зяновна уезжает к мужу и работает

учительницей русского языка и литературы в городах России по месту службы мужа. Сейчас они живут в городе Пенза, у них двое детей и семеро внуков и внучек. Флюра Зяновна на заслуженной пенсии. Исмагиль Хатимович, потомственный военный в третьем поколении, на пенсию вышел в звании полковника запаса, имеет научную степень кандидата технических наук.

Лаля Зяновна 1937 г.р., после Палагинской семилетки окончила отделение механизации сельского хозяйства Глазовского совхоза-техникума и начала работать в Палагинской школе. Она оказалась востребованной в школе, потому что в начале 60-х годов прошлого столетия Н.С. Хрущев, вместе с одиннадцатилетним школьным обучением, в программы сельских средних школ ввел в старших классах трехлетние курсы по подготовке специалистов сельского хозяйства. Лаля Зяновна преподавала в этих классах устройство сельхозмашин, агротехнику, заведовала физ- и хим-кабинетами, работала школьным киномехаником, руководила школьным кружком киномехаников.

По путевке комсомола она уехала в Татарстан строить автоград Набережные Челны. Лале Зяновне и ее мужу Ивану сравнительно быстро дали однокомнатную квартиру. Сейчас Лаля Зяновна на заслуженной пенсии, у нее сын Алексей и растет один внук

Амир Зянович родился в 1940 году, отца он уже не успел повидать.

После прохождения воинской службы, Амир Зянович поступает в Ленинграде в техникум физической культуры и спорта, после завершения которого сразу поступает на заочный факультет физкультуры и спорта Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена и успешно заканчивает его. В Глазове он будет работать преподавателем физкультуры в ПТУ № 24, затем в спорткомитете, на объектах народного хозяйства.

У Амира Зяновича трое детей и два внука. Сейчас он на заслуженной пенсии.

Мария Егоровна последние годы жизни прожила в семье сына в г. Глазове. После тяжелой и продолжительной болезни в конце лета 1978 года, она умерла на руках сына и похоронена на городском кладбище на Красногоском тракте.

Окончание рассказа Василия Дмитриевича:

Я, конечно, не был по образованию воспитателем, бывал грубоват. Но Рида Дмитриевна была настоящим воспитателем для детей, любила их, всё своё свободное время проводила с ними. Они очень любили её и даже после того, как они сами выросли и стали взрослыми, они переписывались с нею как с настоящей мамой. В детдоме я проработал год и потом познакомился с Гришей (Гумаром Абашевым из Палагая – А.Х.), который тогда работал в Глазове на патронном заводе и уговорил меня поступить туда работать. Через несколько лет после строительства Чепецкого механического завода я перешёл работать в 19-й цех ЧМЗ (железнодорожный) и проработал там на разных должностях уже по своей специальности до выхода на пенсию.

В начале марта 2010 года я сходил к Василию Дмитриевичу Ходыреву 1922 г.р, дяде покойной Риды Дмитриевны Владыкиной (1925-2004). В 1945-1946-х годах они работали в Палагае в Юкаменском детдоме воспитателями. Я ему оставил свою рукопись **“Эвакуированные в Юкаменский район и Юкаменский детдом”** и несколько других своих рукописей, распечатанных мною на принтере. В текст **“...Юкаменского детдома”** я включил рассказ Василия Дмитриевича, записанного мною на диктофон на похоронах и поминках Риды Дмитриевны.

Вчера, 20 марта (2010 года), Василий Дмитриевич вернул мне папку с моими рукописями. Он встретил меня с хорошим застольем, посидели, поговорили. Ему исполнилось уже 88 лет.

Уже много лет он живёт с вшитым электрокардиостимулятором, но он всё ещё очень бодрый и с хорошей памятью. Я его поздравил с 65-летием Победы над фашистской Германией. Он поблагодарил и засмеялся: **“Дожить бы ещё до дня Великой Победы!”**. В беседе я ему сказал, что я помню жизнь воспитанников детского дома как бы глазами ребенка “снизу”, каковым я и был в те годы, а он, Василий Дмитриевич, знал и видел эту жизнь с высоты взрослого человека, воспитателя.

Он написал небольшую рецензию и дополнил свои воспоминания о работе в детдоме. Мы сидели за столом, я ему говорю, что в 45-46 годах я учился ещё во втором-третьем классе, почти не умел говорить по-русски, поэтому имена многих воспитателей тех лет я не запомнил

Василий Дмитриевич пишет:

Несмотря на трудности, вызванные потерей моего зрения (ему недавно удалили один глаз из-за глаукомы – А.Х.), я заставил себя прочитать повествование Азата Харисовича о Юкаменском детдоме, находящемся в своё время в д. Б-Палагай, в котором волею судьбы мне довелось поработать воспитателем небольшой послевоенный период (с 19/XI-45 г. по 28/VIII-46 г.). Оно приятно возбудило воспоминание о коротком, но интересном моменте моей начальной жизни послевоенной жизни. Не могу не высказать должное восхищение автору за стиль изложения, характерный разговору русских людей,

живущих в Удмуртии и, вообще, за владение русским языком (татариним), за простые, понятные выражения. Искренне благодарю за воздание памяти моим родственникам и объективную оценку их трудовой деятельности в воспитании детей в детдоме и в школе.

Так же удивляюсь настойчивости (настырности), которую автор проявлял в розыске и установлении фактов деятельности детского дома, его руководящего и обслуживающего персонала и воспитанников, а также людей, живущих в Палагае и Юкаменске, соприкасавшихся с работой детского дома и школы.

Я должен заметить: в период моего пребывания на работе в детдоме (в конце ноября-декабря 1945 г. и до конца августа 1946 г.), никакого бунта не было. О бунте в детдоме я слышал только рассказы работников детдома, работавших в тот период.

На основании каких и чьих указаний была направлена часть детей детдома в Сарапульскую детскую колонию, мне неизвестно. Известно только то, что отправляли их под предлогом перевода в Сарапул в другой детский дом. Сопроводить поручили нам с Петром Алексеевичем Семёновым – воспитателем детдома (сожалею, что о нём автор почему-то умолчал). {Выше я написал, что почти не умел говорить по-русски, возможно, поэтому имена многих воспитателей тех лет я не запомнил, я повторно сказал об этом Василию Дмитриевичу – А.Х. - записал 12.08.2013 г.}

После отправки группы в колонию не сразу воцарился порядок в детдоме. Мальчики продолжали его [порядок] игнорировать под влиянием оставшегося «главаря», которого нужно было выявить. Я предположил, что таковым является мальчик Моисеев...

В присутствии всей группы воспитанников-мальчиков я, применив некоторое насилие, заставил Моисеева умываться (до этого они [остальные дети по примеру Моисеева – А.Х.] отказывались это делать). Это явилось переломным моментом. Все стали умываться и выполнять другие требования, не ломать умывальники, ламповые стёкла и пр. как было до этого. Дело пошло на лад.

В организации самодеятельности, хора большую роль оказывала сестра директора д/дома Ямангуловой Г.Ф. – актриса Казанского театра, жившая в то время в Палагае с двумя маленькими девочками.

В.Д. Ходырев. 15.03.2010 г.

. “А с Вами, Василий Дмитриевич, - напоминаю я ему, - мы познакомились только на похоронах Риды Дмитриевны летом 2004 года, а до этого не знал, что Вы работали в Юкаменском детдоме. Многие эпизоды из жизни воспитанников детдома тех лет я тогда запомнил, а многие – восстановил по рассказам очевидцев событий тех лет уже тогда, когда сам стал взрослым, а другие события по архивным документам. Почему-то мама никогда не рассказывала, что у Г.Ф. Ямангуловой была сестра с детьми и они жили какое-то время в Палагае...”

9 мая 2013 года я поздравил Василия Дмитриевича по телефону с шестидесятивосмилетием Дня Победы над фашистской Германией и пожелал ему здоровья и благополучия, выразил ему глубокое соболезнование в связи со смертью его супруги. Он мне сказал, что ему в этом году исполнилось девяносто один год, и что он чувствует себя вполне бодрим, несмотря на свои года...

В семилетке я почти не выходил из детдома, и всё своё свободное время проводил с ребятами. В их спальнях был как свой, меня никогда не обижали, во дворе, в школьном логу (тогда эти лога называли «Детдомовские лога» за школой) постоянно играли вместе, жгли костры. С созреванием ржи до молочно-восковой спелости, мы собирали стебли в снопики и жарили колосья на костре, потом обмолачивали зёрна на куртке и ели жареное зерно. Этот вкус навсегда впитался в меня, и я, проходя мимо ржаного поля под осень, немедленно вспоминаю вкус и запах этих жареных на костре ржаных зёрен и не выдерживаю: собираю несколько колосьев, растираю их в ладонях и с удовольствием съедаю спелые зерна. После того, как серпами сжинали рожь и складывали их в сулоны, мы поджаривали снопы. А чтобы нас не «поймали» колхозники, мы эти пустые снопы прятали под ёлками глубоко в перелесках. Лет через двадцать, в шестидесятых годах прошлого столетия, собирая в этих логах грибы, я находил эти ещё не совсем сгнившие соломенные снопы под ёлками...

Отношение ко мне некоторых взрослых в детдоме не всегда было хорошим.

Например, когда мы с Исмагилом сделали луки и арбалеты и испытывали их у стены хозпостроек детдома, его отец Сулейман абый подошёл к нам и поломал всё наше «оружие» и запретил их делать дальше, сказав при этом: «Ещё детдомовских мальчиков научите вооружаться ненужными игрушками!». Тогда мы обиделись на самоуправство взрослого мужчины, впрочем, теперь я думаю, что он был полностью прав.

Тогда же, наверное, на втором этаже в актовом зале детдома мы играли в «колдунчики». Игра заключалась в следующем: водящий должен был запятнать (заляпать) свободного игрока, после чего

я, например, замирал, раскинув руки, и не должен был шевелиться, то есть я оказывался заколдованным. Свободные, и не заколдованные, игроки пытались меня расколдовать своей «ляпой», задев меня своей рукой, а водящий не давал им это сделать и при этом стремился заколдовать свободных игроков. Игра очень живая и весёлая, кон длится бесконечно долго. Однажды меня заколдовали у самого окна на сцене актового зала. В это время один из не играющих мальчиков «выстрелил» двухметровой доской скамейки с выпавшими ножками близко от окна и попал в окно, разбив несколько стёкол. «Стреляют» так: держа рукой доску почти вертикально, ногой давят на неё и отпускают. Она громко, имитируя звук выстрела, хлопает об пол. К несчастью, в это время в зал входила директор Г.Ф. Ямангулова, и, увидев меня у злополучного разбитого окна, подошла ко мне. По правилам игры я не мог сдвинуться с места. Гайша Фаисламовна спросила меня, зачем я разбил окно - она не видела виновника – я не сходил с места и молчал. По детдомовской негласной этике жаловаться и ябедничать на кого-либо, было нельзя, я опять промолчал. Тогда она взяла меня пребольно за левое ухо и вывела со второго этажа во двор и запретила мне посещать детдом. Я шёл за ней, подвешенный за ухо, неловко подпрыгивая от боли, тогда мне было немногим больше 10 лет, и я был очень маленького роста. После этого случая я всегда старался избегать встреч с Гайшой Фаисламовной, директором детдома...

До окончания семилетки в 1950 г. я всё своё свободное время проводил во дворе детдома в играх со сверстниками-детдомовцами. Наверно потому, что в детдоме тогда были собраны эвакуированные из западных областей СССР, наши игры были разнообразны и очень живые. Об одной из этих игр «тыка» я уже писал выше. Очень много было игр с мячом: играли в «Штандр (штандер)», «Лунки», «Лапту», городки, монеткой об стенку – «Чику», и другие. Тогда после войны резиновых надувных мячей не было, и мы делали шерстяные мячи весной из коровьей шерсти. Весной коровы линяют, мы собирали с их спин шерсть и валяли тугие мячи диаметром 6-8 см. Мячи получались тяжёлые, они достаточно хорошо амортизировали при бросках. Правда, при играх с мячом, особенно в лапту, можно было получить достаточно весомый удар по телу... Потом в продаже появились литые мячи из микропористой резины, которые ещё сильнее могли, вплоть до травмы, стукнуть во время игры. Играли в «Чижика» двух видов. В одной из них «чижик» представлял собой ромбическую дощечку сантиметров 10-12 длиной, его ставили на кон – очерченный на земле квадратик или круг. Водящий битой бил по одному из приподнятых концов чижика, чижик взлетал и этой битой, похожей на лопатку-биту в игре в лапту, забивал его как можно дальше. Игроки все бежали и ловили его (или подбирали с земли), поймавший становился водящим. Другой вариант игры: в землю крепко забивался не очень толстый кол высотой не более полуметра, на вершину кола подвешивали «чижика», сделанного из дощечки в виде буквы «Г» и с некоторого расстояния кидали на кол битую, почти совсем такую же, какую применяют при игре в городки. После броска биты по колу чижик отлетал на очень большое расстояние. Вся команда игроков бежала ловить чижика, первый, поймавший его (скорее, подобравший), становился водящим.

В 1948-м или 1949-м году летом мы с ребятами играли в городки. С одним мальчиком, моим ровесником, у меня почему-то не сложились отношения. Он как-то и чем-то задевал меня, я ему в ответ дразнил его «бабой» – по его фамилии, кажется, Бабинцев. Этот мальчик из местной удмуртской семьи попал в детдом после гибели его отца на фронте. С присущей почти всем детям такого возраста максимализмом (тогда нам было около 12 лет), я совсем не думал, что мой-то отец вернулся с войны, а он остался сиротой. Я, видимо, совсем разошёлся, Бабинцев не выдержал и с битой наперевес бросился на меня. Но детдомовские ребята (впрочем, кроме меня с ними не было деревенских детей) не дали начать драку с палкой в руках, отобрали у него битую и мы схлестнулись в ярости друг к другу врукопашную. Вдруг кто-то закричал: «Стойте, директор увидит! Алексей Андреевич увидит!» - мы на площадке были прямо против кабинета директора детдома на втором этаже, разняли нас и повели за детдом, где нас снова бросили друг к другу. Очнулся я, сидящим на противнике и колотящим его кулачками, мы оба были в крови: и у него и у меня из носов текла кровь. Мальчики с криками: «*Лежачего не бьют! До первой крови! До первой крови!*» - разняли нас, кто-то принёс в банке воды, мы немного замыслись, и когда все успокоились, ребята опять свели нас вместе, заставили крепко пожать друг другу руки и поклясться, что больше мы не будем дразниться и затевать ссоры и драки. Ни до этого, ни после я никогда не попадал в такие ситуации с воспитанниками детского дома.

С Геркой Измествьевым, воспитанником детдома, я учился в седьмом классе, а потом, после окончания семилетки, продолжили учёбу в 8-м классе Юкаменской средней школы.

В седьмом классе, зимой 1949-1950 уч. г. в Палагае, Герка “прославился” тем, что самодельным ножиком, расклёпанным из большого гвоздя молотком, в ссоре за куртку порезал крест на крест подбородок воспитанника же Рудика Миклина. По моему, его за это не наказали, скорее всего Рудик не наядбедничал на Герку, и воспитатели так и не узнали, кто же ранил его. С Рудиком, насколько помню, я больше не встречался. Много лет спустя Рида Дмитриевна рассказывала мне, что он довольно часто приезжал к ним, и что он был ей, Риде Дмитриевне, племянником. На мой вопрос, сохранились ли шрамы на его подбородке, она ответила, что шрамов вроде уже не было. Вероятно, порезы были неглубокими...

Осенью 1950 г. в 8-м классе Юкаменской средней школы я сидел впереди Герки, на уроках он постоянно подпинывал меня ногой. Я оборачивался к нему и просил его не заниматься этим. Учителя почти на каждом уроке делали мне замечания: “Галеев, не крутись! Галеев, не разговаривай на уроке!” и т. д... – и заканчивали моё “воспитание” строгим голосом: – “Галеев, вон из класса!”. Наконец, мне надоело всё это и я своим тяжёлым кирзовым портфелем, набитым книгами, с размаху сверху вниз и назад ударил его по голове. Меня опять выставили с урока.

Зная про “подвиг” Герки в случае с Рудиком Миклиным, я, боясь его, сразу же после уроков рванул домой в Палагай. Он догнал меня на прямашке за Курканом (сейчас там провели асфальтовую дорогу) и сразу начал бить меня. Я слабо отмахивался, т.к. я знал, что он старше меня на год или на два, да и его дурная репутация давила на меня, и я знал, что Герка может отделать меня как захочет. К моему удивлению, он перестал махать и дальше мы шли до Палагая – километров пять или шесть – довольно мирно, только сильно обмениваясь колкостями и неформальной речью. На этом наша ссора кончилась и мы с ним до конца 10-го класса проучились очень дружно и всегда в школу до Вежеева – это около 14 км – и обратно в Палагай, ходили вместе. Потом он поработает в Палагинской семилетке учителем арифметики, 3 года отслужит в армии, поступит заочно учиться на юридический факультет Казанского государственного университета, окончит его и уедет работать юристом в г. Шевченко (ныне г. Актау в Казахстане). Последний раз мы виделись в 1966 г. Его старший брат Юра Измestьев, работавший в начале 1980-х гг. в Глазове, сказал мне, что Гера никогда к ним не приезжал, пишет очень редко и в городе Шевченко (ныне г. Актау в Казахстане) работает прокурором.

Мать Геры и Светланы Апполиновны Тихоновны Измestьева до 1950 г. была в заключении. Как потом я из архивных документов узнаю, она попала под действие печально знаменитого **Указа 7/8 от 7 августа 1932**, как его в народе метко называли **«Указом о пяти колосках»**. Тетю Полю с её товаркой обвинили, что после работы в каком-то колхозе, они в карманах унесли несколько горстей зерна.

После возвращения она взяла детей к себе, а сама работала в детдоме поваром. У тёти Поли было четверо детей: старший Павел окончил мореходку и в эти годы служил на подводной лодке в Ленинграде. Я его видел всего один раз, когда он приезжал в Палагай в отпуск в офицерской морской форме. Второй сын Юра проработает до конца 1990-х гг. отличным швейным мастером в Глазове в ателье “Силуэт”. На шитьё полушубков и меховых курток Юрой Измestьевым в 80-е годы всегда были очереди.

Когда мы учились в 10-м классе Юкаменской средней школы, Светлана шла за нами на год или два позже и тоже училась в Юкаменском. Вместе с братом воспитывалась вначале в Кокманском детском доме в Красногорском районе, затем их перевели в Юкаменский детдом в Большой Палагай. Когда их перевели, я не помню.

Герку Измestьева я запомнил с седьмого класса Палагинской семилетки. Светлана после окончания Юкаменской средней школы окончит Глазовский пединститут, будет жить и работать в пос. Игра. После 1950-х годов я с нею больше не встречался.

Несколько лет назад на заседание клуба краеведов города Глазова пришел новичок, друг нашего председателя клуба Геннадия Михайловича Ложкина, которого он представил нам: “Знакомтесь с новым краеведом Леонидом Евгеньевичем Поторочиним, бывшим воспитанником Кокманского детского дома в Красногорском районе, мастером спорта СССР по спортивной гимнастике!”

В своей книге **«Глазов спортивный» (Глазов. 1993)**, заслуженный тренер РСФСР (классическая борьба) В.В. Чикварев о Л.Е. Поторочине написал:

Стр. 212: Необычным путем пришел в гимнастику Леонид Поторочин. За плечами у него не было опыта занятий в ДСШ, только уроки физкультуры в средней школе и техническом училище, а так же физподготовка для солдат первого года службы. В армии он выполнил нормы третьего и второго

спортивных разрядов, вошел в сборную команду военного округа. В родной город вернулся в 1959 году, где начал тренироваться у тренера Геннадия Степанова по программе мастеров спорта. С 1961 года он тренировался у м/с СССР, тренера Я.Г. Фалалеева.

И вот в соревнованиях первенства ЦС ДСО «Труд» - 2» в 1966 году электрик, ударник коммунистического труда Леонид Поторочин становится мастером спорта СССР. Недавно Леонид Евгеньевич Поторочин закончил институт физической культуры и спорта. Последние годы работал директором пионерского лагеря «Звездочка». Он хороший педагог-воспитатель.

Познакомившись с Леонидом Евгеньевичем и прочитав книгу Г.М. Ложкина «Лесная обитель» (Глазов. 2009), я написал ему небольшое письмо и передал отрывки из своей рукописи со своими воспоминаниями о Юкаменском детдоме.

Уважаемый Леонид Евгеньевич!

В книге Геннадия Михайловича Ложкина «Лесная обитель» в главе «Без слез не вспомнишь», Вы на стр. 89 книги вспоминаете о воспитанниках Кокманского детского дома: «Из бывших воспитанников помню Измestьева Геру, работавшего в начале 60-х годов следователем в Глазовской милиции». В моих записях Гера занимает довольно много места, так как я с ним учился в Палагае Юкаменского района в 7 классе, тогда он был воспитанником Юкаменского детдома, переведенного в Палагай летом 1944 года с сохранением названия. С ним в детдоме была его младшая сестра Светлана. В 1950 году в детдом устроилась работать поваром их мать Апполинария (или Полина) Тихоновна. У нее в Палагае жил сын Юра, старше Геры, а самый старший сын Павел служил в это время, кажется, подводником в Ленинграде. Он приезжал в отпуск в военно-морской офицерской форме, по малолетству я не познакомился с ним. С Герой я учился в Юкаменской средней школе с 1950-го по 1953 год. Чтобы не повторяться, я для Вас соберу отрывки из моих рукописей, в которых упоминаются Измestьевы. Я не писал отдельно о них, свои записи написаны не специально, и если где-то возникают немного критического, то это так и было. О Гере Измestьеве у меня самые хорошие воспоминания и жаль, что наша переписка не состоялась. Мы просто потеряли друг друга. Я думаю, прочитаете мои отрывки и как-нибудь разберетесь.

С уважением – А. Галеев.

По моей просьбе Леонид Евгеньевич написал свои воспоминания. В своей рукописи, описывая жизнь воспитанников Юкаменского детдома и читая письмо Леонида Евгеньевича, я укрепляюсь в мысли, что условия жизни воспитанников Юкаменского детского дома в Большом Палагае сильно отличались от жизни детдомовцев Кокманского детдома. Я уже писал, что в фондах Юкаменского архива отсутствуют документы на период с 1943 –го по 1952 год, или я, не имея опыта работы с архивами, не нашел их. Поэтому я предположил, что в эти 9 лет детдом был под юрисдикцией НКВД-КГБ. В Юкаменском детдоме воспитанники не голодали, не занимались «добыванием» еды в огородах и овощных ямах Палагинских жителей. Я, например, никогда не слышал от земляков, проживающих в Большом и Малом Палагаях, в Золотарево и других деревнях, близко расположенных к Юкаменскому детдому, даже малейших претензий к воспитанникам Юкаменского детдома за все время существования детдома в Палагае.

Например, я, рассказывая Леониду Евгеньевичу о том, что в те месяцы, когда я питался в Юкаменском детдоме вместе с воспитанниками зимой 1945 года, сказал, что в те месяцы я от души упивался какао, которое варили из продуктов, получаемых из Америки США по ленд-лизу (правда, не очень густое и сладкое, но можно было пить его сколько угодно не только мне, но и ребятам: варили какао в большом котле много...). Супа часто варили, заправляя американскими мясными консервами из тех же поставок из США по ленд-лизу.

Леонид Евгеньевич возразил мне, что в детдоме в деревне Рожки, примерно в 3-4 км от с. Васильевское, никакого какао никогда не было, так же, как и хороших мясных консервов. Этот детдом с количеством воспитанников около 120 детей, в 1948-м году переведут в пос. Кокман, в котором положение с питанием в детдоме, названном тогда уже Кокманским детским домом, нисколько не улучшилось. Лучше всего я сейчас вставлю фрагменты его письма.

[Под покровительством Геры Измestьева] (старшие ребята мне доверяли) и брали с собой на рыбалку, охоту и всякие самоволки. Гера – командир. Где только мы не лазили, не бегали. Знали всех жителей деревни Рожки. Кто как живет. У кого что можно украсть в огороде. А зимой – длинные темные ночи. Топим печи всю ночь. Жрать нечего. Вначале мы собирали у столовой (в помойке) очистки картофельные и в печке их пекли и ели. Потом не выдержали и начали вскрывать овощные ямы колхозников. Мы с Герой (лично) брали топор, накрывались белыми простынями и ползли туда и обратно по-пластунски. Притаскивали морковь, капусту, картошку, брюкву – сколько могли. К утру не оставалось никаких очисток. А следы-то оставались...

Конец выписки из письма Л.Е. Поторочина.

Алексей Андреевич Владыкин проработал директором Юкаменского детдома в Палагае с 15 октября 1948 г. до 7 августа 1951 г. Рида Дмитриевна с июля 1946 г. до августа 1951 г. была завучем детдома. Потом супруги Владыкины будут переведены в Кельдыковскую неполную среднюю школу Юкаменского района. Алексей Андреевич несколько лет работал там директором Кельдыковской НСШ. Супруги Владыкины вновь вернутся работать в Большой Палагай после закрытия Юкаменского детдома в 1959 году, где Риду Дмитриевну назначат директором Палагинской средней школы. **(Юкаменский архив. «Фонд семьи Владыкиных». Сведения из трудовых книжек Р.Д. Владыкиной (1925-2004) и А.А. Владыкина (1916-2000).**

Здесь небольшая **ремарка:** Марат Абашев в своем дипломе написал, что *«Стр. 41: ...Владыкина выдвинули на партийную работу»* - в архивных документах, с которыми я работал, а так же по своим воспоминаниям, А.А. Владыкин в 50-е годы, да и позже, никогда не был на партийной работе.

Считаю нужным здесь написать о судьбе еще одной воспитанницы Юкаменского и Кокманских детских домов Розы Емельяновны Жуйковой. Родилась она в 1941 году в Зилае Юкаменского района. В 1942 году приходит похоронка на отца.

Жуйков Емельян Ионович, род. 1904. д. Зилай. Призван в Сов. Армию в 1941. Рядовой. Умер от ран 11 июня 1942. Похоронен: г. Вологда.

Книга Памяти. Том 4. Ижевск. «Удмуртия». 1994. Стр. 320.

В 1946 году в пятилетнем возрасте ее приняли в Юкаменский детский дом, когда там работают супруги Владыкины. Жизнь в Палагае она вспоминает с тоской, сравнивая, что в Кокманском детском доме, куда ее в 1950 году почему-то перевели, было и неудобно, да и голодно... В 1953 году Роза из Кокмана вернулась в д. Зилай.

После семилетки в д. Кельдыках, где ей посчастливилось учиться у Алексея Андреевича и Риды Дмитриевны, она окончила в 1960 г. Юкаменскую среднюю школу. По рекомендации Владыкина Алексея Андреевича, поступила в Ижевский библиотечный техникум. Вернувшись в район, Роза "боевое крещение" получила в Абашевской и Зилайской библиотеках, потом с 1967 года работала в районной библиотеке зав. абонементом, зав. читальным залом, методистом, директором Централизованной библиотечной системы. 1996 году вышла на пенсию с должности библиотекаря отдела комплектования. Замужем. Имеет сына, растет внучка Сонечка 1,5 года.

Немного о судьбе Гайши Фаисламовны Ямангуловой. После Юкаменского детдома её пошлют работать учительницей в Кесшурскую начальную школу Юкаменского района. По глухим семейным преданиям, её туда послали после довольно неудачного её директорства в детдоме (*«Как в ссылке»*). Я с нею последний раз виделся летом 1953 г. Тогда к нам приехали погостить Рахима Мухаметшина Касимова, моя старшая двоюродная сестра из Кеза, со своим мужем Назипом Касимовым. Они работали в какой-то школе в Кезском районе учителями начальных классов. О моей тёте я пишу в своих «Мемуарах» (название условное). Назип абый был инвалидом Великой Отечественной войны, где он потерял одну ногу, но, несмотря на это, был очень жизнерадостным и неунывающим человеком. Летом пятьдесят третьего мы поехали с ними в Кесшур, где, по их рассказам, у дяди Назипа росла родившаяся ещё до войны дочь. Расспрашивать их, что да почему я не стал, да и не имел права: я только что закончил Юкаменскую десятилетку и ещё не мог разговаривать на равных с взрослыми. Кесшур от Палагая в восьми километрах, дорога туда идёт по очень пересечённой местности с крутыми участками, и отец меня послал с ними в качестве кучера. Остановились мы на квартире у Гайши Фаисламовны. Мои родственники ушли в деревню по своим делам, я остался с хозяйкой вдвоём. Она мне показалась в очень подавленном настроении, может быть, она уже сильно болела, хотя тогда она была не очень уж старая – ей было всего 45 лет, но мы почему-то ни о чём не разговаривали. То ли она во мне видела маленького Азата времён её работы в детдоме директором, то ли не хотела разговорами беречь свою душу. Когда вернулись мои гости, Гайша апа всех нас угостила портвейном из трёхлитровой бутылки, о чём разговаривали взрослые за столом, я совершенно не запомнил. Когда умерла и где похоронена Г.Ф. Ямангулова я не знаю. Десятилетия спустя, кто-то из Кесшурских старожилов рассказал мне, что Гайша Фаисламовна умерла в Ижевске, где и похоронена. Возможно, там тогда жили ее родственники.

Детдомовским девочкам Гале, Нине и Зое детдом (в те годы, когда работали директором детдома Алексей Андреевич и завучем Рида Дмитриевна Владыкины) даст возможность окончить

педагогический техникум. В конце 40-х гг. один из детдомовских мальчиков Валентин Утробин после Палагинской семилетки учился в Юкаменской средней школе, тоже при супругам Владыкиных в детдоме. Я запомнил его потому, что он рано утром приходил к моей старшей сестре Асие, которая окончит Юкаменскую среднюю школу в 1949 году. Иногда я просыпался и видел их на кухне, где они с сестрой пили чай, потом одевались и шли в Юкаменское. Уходили они не позднее 5 часов 30 минут утра. Осенью 49-го г. сестра поступит учиться в Молотовский медицинский институт. Окончит ли В. Утробин среднюю школу, а так же его дальнейшую судьбу я не знаю. Вместе с моей сестрой Розой закончит ГГПИ воспитанница детского дома Галя Шумайлова, но её дальнейшую судьбу я тоже не знаю.

После окончания семилетки в Палагае, я поступил учиться в Юкаменскую среднюю школу. С 1950 года у меня почти прервались всякие взаимоотношения с детдомовцами, просто я уже достаточно повзрослел, летом приходилось заниматься домашним хозяйством: заготавливать дрова, сено для коровы и овец, заниматься ремонтом и строительством заборов вокруг усадьбы и огорода. В фондах Глазовского архива по Юкаменскому району я больше не нашёл документов по детдому на период с 1943 г. до 1952 г (см. выше документы по Юкаменскому РОНО ГА **Ф. 184, оп. 1, д. 34 «Выводы по обследованию работы Юкаменского детского дома проведённому <...> 15-16/ VII – 1943 г.»**).

(Повтор): я предполагаю, что с 1943 г. до 1952 г. Юкаменский детдом находился под юрисдикцией НКВД-МВД и все архивные документы по детдому ныне находятся в архивах МВД – НКВД - КГБ – ФСБ, и мне они недоступны. Марат Абашев при написании своей дипломной работы в 2000 году, так же не смог попасть в архивы МВД – НКВД - КГБ – ФСБ.

Рида Дмитриевна пишет (Бушмелев Н.С, составитель, и др. **Сборник «В стороне Юкаменской»**. Глазов. 2000):

стр. 51 – 55. В 1948 году, когда директором работал Владыкин Алексей Андреевич, приобрели 10 велосипедов. Какая это была радость для ребят! Детсовет строго следил за сохранностью их и очередностью пользования. <...> Педагогический коллектив делал всё, чтобы в тех сложных условиях сохранить жизнь и здоровье детей. И фактически смертей не было, только летом 1943 года один мальчик утонул. Учились дети в Палагинской семилетней, а затем и средней школе. В начальных классах они учились отдельно, а в старших с местными ребятами. [21].

Я позволю себе внести поправки в воспоминания Риды Дмитриевны: в 1943 году Юкаменский детдом размещался ещё в деревне Вежеево в городке Юкаменской средней школы. В деревню Большой Палагай детдом переведут весной (скорее всего, ранним летом) 1944 года. Воспитанник детдома, ученик 6-го класса, его имя я уже запомнил, утонул в реке Убыти летом 1946 года, а не в 1943 году – Рида Дмитриевна начала работать в детдоме пионервожатой только осенью 1945 года. Похоронили его на сельском кладбище деревни Большой Палагай; я ещё помню, как старики-татары решали, можно ли его, не татарина, хоронить на мусульманском кладбище; в итоге обменявшись мнениями, решили: что он ещё ребёнок, значит, можно, но все же его похоронили в стороне от могил односельчан внутри ограды кладбища рядом с северной (нижней) оградой ...

В Глазовском архиве впервые после 1943 г. архивные документы по Юкаменскому детдому появляются в 1952 г. (**Глазовский архив. Ф. 181, оп. 1, д. 246, Юкаменский райфинотдел. Штатные расписания, сметы расходов и карточки по регистрации штатов Юкаменского детского дома на 1952 – 1958 гг. на 83 листах**»).

Можно предположить, что с этого года детдом стал снова местным и вышел из юрисдикции НКВД-КГБ-МВД. Далее приведу большие выписки из документов по Юкаменскому детдому из архивного фонда, добавляя свои воспоминания и иллюстрируя текст сохранившимися своими фотографиями

1952 год.

Листы 1, 2:

1952 год. Директор детского дома Виктор Матвеевич Бабинцев.

Количество детей (число групп – 3)

На 1.01.1951 г. - 91 человек (среднегодовое число - 94 ч.)

На 1.01.1952 г. - 100 человек (ср. год. - 72 ч.)

План на 1.01.1953 г. – 50 человек.

Здание детдома (школа)

Общая площадь – 1610 кв. м. Водопровода, канализации нет. Отопление печное: печей 37, плит (голландок) – 14 (всего 51 печь). Число окон – 64. Площадь под зданиями – 10 000 кв. м. Здание детдома – деревянное, построено в 1934 г. [начато строительством в 1934 г., закончено – в 1936 г. – А.Х.]. Кубатура здания 4 550 куб. м., площадь – 1 040 кв. м. (моя ремарка:

Другие здания и жилые дома.

Квартирные дома, площадь 224 кв. м (построены в 1934 г., 1935 г., 1948 г.), изолятор – 42 кв. м мастерские – 144 кв. м, баня и прачечная – 60 кв. м, дом жилой – 100 кв. м (перевезён из Палагая в 1951 г., двухэтажный, 4-х квартирный).

Моя **ремарка:** в это описание не входят сведения по части основного корпуса, занимаемой школой.

Годовая смета на 1952 год- 650 тысяч рублей (исчислено учреждением 720 тысяч рублей) (Глазовский архив. Ф. 181, оп. 1, д. 246, Юкаменский райфинотдел.. Штатные расписания, сметы расходов и карточки по регистрации штатов Юкаменского детского дома на 1952 – 1958 гг. на 83 листах»).

Листы 1, 2.

Стоимость питания одного ребёнка в день – 8 руб. 90 коп. в 1952 году.

Тогда же – расходы на просмотр кинокартин – 2,5 тысяч рублей.

Государственный драматический театр приезжал 2, 9 тысяч рублей.

На год керосина на освещение – 700 литров.

Топливо (дрова) в год 532 кубометра при стоимости 10 руб./куб. м, с учётом всех расходов (перевозка, распиловка, разделка) – 12,2 руб./ куб. м.

Цены 1952 года:

	Куплено	цена	стоимость всего	
Стулья полумягкие	3 шт.	500	1 500	
Лыжи	25		500	
Вёдра	8		240	
Тарелки разные	5		180	[27].

Примечание: похоже, что я выписывал из архивных документов не все сведения по Юкаменскому детдому, а только те факты и цифры, которые казались мне тогда, на рубеже конца 90-х гг. прошлого столетия и начала 2000-х гг., наиболее интересными и характерными. В эти годы я ещё не думал писать историю Юкаменского детдома, да и компьютер появился у меня только в мае 2007 г. Потенциальных исследователей истории детдома и читателей моих записок отсылаю в Глазовский архив для более подробного знакомства (Глазовский архив. Ф. 181, оп. 1, д. 246, Юкаменский райфинотдел.. Штатные расписания, сметы расходов и карточки по регистрации штатов Юкаменского детского дома на 1952 – 1958 гг. на 83 листах»).

Из воспоминаний Риды Дмитриевны Владыкиной (из сборника Н.С. Бушмелева «В стороне Юкаменской», Глазов. 2000):

Стр. 54. Прошло много лет. Но дети помнят о месте своего детства и людях, окружавших их. Они приезжают, пишут. Вот отрывок из письма Володи Мышкина из Ижевска: «Я так хотел что-либо узнать о воспитанниках и их наставниках, спасителях человеческих душ. Я преклоняю голову перед Алексеем Андреевичем, Зоей Даниловной, Петром Алексеевичем, Лией Григорьевной, Антониной Васильевной, Марией Егоровной и другими. Судьба моя была нелёгкая, но я горжусь за честно прожитые годы. Работал на оборонном заводе. Я благодарен всем, с кем доводилось мне делить тяготы и радость. Риды Дмитриевна, простите всех нас за наши выходы в детстве. Простите, что иногда плохо учились. Простите за всё, ведь во всём мы тоже не виноваты. Время. Счастья Вам и здоровья на всю оставшуюся жизнь».

И ещё отрывок из письма Миши Фаттахова из Пермской области после вечера встречи воспитанников и воспитателей в апреле 1995 года.

«Я вам очень признателен за тёплый приём, который вы оказали нам, бывшим воспитанникам детдома. Я очень рад, что вновь посетил место моего детства и школьных лет, где непосредственными воспитателями и учителями были Вы, Рида Дмитриевна, Алексей Андреевич, Анна Васильевна, Лия Григорьевна и другие. Спасибо Вам ещё за то, что Вы и Ваш коллектив Палагайской школы встретили нас, как родных, низкий поклон вам всем, дорогие наши Рида Дмитриевна, Маргарита Романовна (на 1995 г. директор Палагинской средней школы, она же – М.Р. Гусева – и в 2013 г. директор ПСШ – А.Х.), за памятный незабываемый вечер» (там же: *стр.* 51 – 53).

Штаты, должности, оклады на 1 апреля 1952 года:

Образование, стаж работы, должность, Ф. И. О., оклад

Юкаменская СШ, стаж 19 лет, директор **Бабинцев Виктор Матвеевич** 635=
Завуч Абашева [Пономарева] М[ария] [Егоровна] 571-50
Воспитатель Меньшиков Иван Афанасьевич 605=
Воспитатель Бронникова Зоя Даниловна 576=
Ср. пед., 8 лет, воспитатель Емельянова Фёкла Николаевна 575=
Ср. пед., 8 лет, воспитатель Миклина Валентина Афанасьевна 575=
Воспитатель Сидорова Л.Г. 545=
Ср. пед., 1 год, воспитатель Кайсина Маргарита Яковлевна 520=
Общ. ср., 1 год, воспитатель Касимова Амина Исхаковна [Исмагилевна] 343=
Ср. пед., 1 год, пионервожатая Сайфуллина Мукарама Г. 451=
Инспектор по труду Сабреков Габдульгазиз [Нугманович] 690=
Инспектор по труду Шаркунова Н.Л. 690= [в воспоминаниях Риды Дмитриевны – Людмила Шаркунова, инструктор по швейному делу – А.Х.].
Врач Лубнина Н.Г. (0,5 ст.) 320=
Медсестра Шилова Валентина Матвеевна 375=
Рук. пр. работ Керов Анатолий Аркадьевич 220-50= 155= (счёт 0,5 оклада)
Бухгалтер Панов Павел Павлович 335= 155= (счёт 0,5 оклада)
Завхоз Абашев Набиулла Галиуллин 310= 155= (счёт 0,5 оклада)
Кастелянша Абашева Саня Зиганшина 230=
Повар Измествьева Апполиария Тихоновна 230=
Пом. повара Абашева Фарбиза 190= [Ошибка? Балтачева Фарбиза? жена Балтачева Сулеймана? – А.Х.].
Прачка Таушева Юфарбика 190=
Сторож Абашева Мавлия 210=
Техничка Абашева Маклюфа 190=
Истопник Владыкина Екатерина А. 105=
Конюх Абашев Хабир Каюмович 260=
Кладовщик Абашев Шайдулла [Юсупович] 310=
Сторож Абашева Гасима 210=
Пчеловод Лагунов Александр Никанорович 205=
Ночная няня Сабрекова Лямига 210=

Листы 7-37. (Глазовский архив. Ф. 181, оп. 1, д. 246, Юкаменский райфинотдел.. Штатные расписания, сметы расходов и карточки по регистрации штатов Юкаменского детского дома на 1952 – 1958 гг. на 83 листах»).

У Корбану апа, вероятно, было паспортное имя Лямига, в штатном расписании она записана как ночная няня Сабрекова Лямига. У татар это обычное явление иметь по два имени: одно паспортное, второе имя даётся родителями ребёнку в случае тяжёлой болезни его, для того, чтобы дух болезни **“чир”** не забрал ребёнка с настоящим именем.

Дядя Сафа, как мы его называли (Сафа - тоже второе имя, настоящее имя его Габдульгазиз), работал в детдоме инспектором по труду. Недалеко от нашего дома построили детдомовские мастерские, где дети получали навыки труда. На уроки детдомовцев по труду я не ходил, но после уроков дядя Сафа нас – меня, своих сыновей Наиля и Басира - пускал в мастерские и разрешал нам делать кое-какие поделки из дерева.

Например, в пятидесятых годах в нашей усадьбе я развесил 12 скворечников, в которых ежегодно селились до 7 семей скворцов, остальные тоже не пустовали: в них выводили птенцов синички и воробьи. В начале 1980-х гг. моя семья получила садовый участок за деревней Солдырь Глазовского района и мы начали строить садовый домик. Мой тесть Николай Владимирович Овсянников как-то спросил меня, когда и кто учил меня работать с рубанком, топором, ножовкой, точить инструмент, ведь в начале пятидесятых прошлого столетия в школьных программах ещё не было уроков труда. Я ответил Н.В., что мне разрешали работать в детдомовских мастерских в начале 50-х гг. прошлого столетия.

Возвращаюсь к архивным документам по Юкаменскому детскому дому:

На питание в **1952** году затрачено 280 тысяч рублей.

Расчёт кормов для скота:

1. Коров – 5 голов,
2. Свиноматки – 5,
3. Поросят – 15,
4. Хряк – 1,
5. Гуси – 10,
6. Куры – 6,
7. Лошади рабочие – 4,
8. Молодняк – 1.

Расчёт стоимости кормов и подстилки

	Количество	цена	сумма
1. Овёс	60,3 ц	150,0	9 045 руб.
2. Рожь-мука	43,1 ц	214,0	9 323 руб.
3. Сено	180,0 ц	25,0	4 500 руб.
4. Солома	220,5 ц	10,0	2 205 руб.
5. Картофель	167,8 ц	50,0	8 390 руб.

Итого: 33 463 руб.

Площади посева, расчёт семян, цены

	Площадь посева	норма посева	цена	сумма
1. Рожь	4,4 га	2,0 ц/га	200 руб/ц	1 600=
2. Овёс	8 га		150 руб/ц	
3. Пшеница	2 га		250 руб/ц	
4. Горох	0,6 га	1,5 ц/га	150 руб/ц	
5. Картофель	3 га	15 ц/га	50 руб/ц	
6. Клевер	4 га	15 кг	700 руб/кг	

Огород (капуста – 1 га, морковь – 0,25 га, свёкла – 0,25 га, огурцы – 0,1 га, лук – 0,1 га, свёкла кормовая – 0,5 га, турнепс – 0,1 га).

[Закуплено игр и музыкальных инструментов]:

	Количество	сумма	цены
Шахматы	3	205	(38 руб.) – (так выписал – А.Х. – ошибка?)
Гармошка	1	500	(500 руб.)
Балалайки	2	70	(35руб.)
Гитара	1	65	(65 руб.)

В детдоме выписывали 20 изданий по 1 экземпляру, в том числе: «Сад и огород», «Техника-молодёжи», «Пионер», «Затейник», «Вожатый», «Комсомольская правда», «Учительская правда», «Труд», «Правда», «Пионерская правда», «Литературная газета», «Удмуртская правда», «Ударник», «Егит большевик».

Детям разрешается посылать по 2 письма в месяц, всего на сумму 110 рублей (в год на всех – А.Х.).

С апреля 1953 года директор детдома Меньшиков Иван Афанасьевич.

В 1952 г. с полеводства и огородов получено продукции на сумму 57 030 рублей, с животноводства - на сумму 29 130 рублей, в т.ч. от пчеловодства получено мёда на сумму 6 750 рублей.

Приведены цены на сельхозпродукты в 1952 г.: овёс – 150 руб./ц, рожь – 200 руб./ц, картофель – 50 руб./ц, сено – 25 руб./ц, горох – 150 руб./ц. (Там же, *листы 7-37*).

1953 год.

Александр Никанорович, или дядя Саня, как мы его называли, был очень искусным пчеловодом: в Глазовских архивных документах по Юкаменскому детдому записано, что оприходовано мёда от пасеки на 6 750 рублей (**ГА. Ф. 181, оп. 1, д, 246, лист 36-об. Из отчётов в Юкаменский РОНО директора Юкаменского детдома Бабинцева Виктора Матвеевича за 1952 год**).

Как рассказывала мне Таисия Васильевна, вдова Александра Никаноровича, в сентябре 2005 года, тогда детдомовская пасека была в 9 ульев, а Саня, рассказывает она, работал завхозом (в штатном расписании работников детдома на 1952 г. А.Н. Лагунов записан как пчеловод с окладом в 205 руб.), а пчёлы - это работа по совместительству. Много ли это? Для сравнения: у папы тоже была небольшая пасека из двух пчелосемей. Летом в 50 - 53-е годы прошлого столетия я носил сдавать в сельповский магазин Сулейману Кадыровичу Балтачеву мёд вёдрами – то ли это был сельхозналог на пасеку (тогда наша семья сдавала в счёт сельхозналога 880 литров молока – тогда у нас была дойная корова, шерсть, теперь не помню, сколько её брали с одной овечки, т. е. с одной головы, носил я сдавать и куриные яйца в счёт того же сельхозналога, наверное), то ли у папы и мамы не хватало зарплаты учителей начальной школы на содержание нашей огромной семьи и нужны были деньги. В это время с нашей домашней пасеки в 2 улья отец посылал меня в магазин сдавать мёд по цене 13 руб. 50 коп. за килограмм. Я пока не нашёл подтверждения, в счёт сельхозналога ли отец сдавал мёд. Тогда в нашей большой семье за обеденный стол садилось не менее 11 человек детей и взрослых, а летом приезжали в гости родственники, которые жили у нас по несколько месяцев и даже намного больше. Тогда нас в доме становилось за 20 человек. У нас тогда была корова, и наша семья должна была за счёт сельхозналога сдавать ещё и молоко! Это я помню совершенно точно!

Тогда зарплата папы не превышала 800 рублей («сталинскими»), сюда входили: оклад плюс доплата за стаж работы в школе. Мама вышла на пенсию в 1955 году, она, как многодетная, вышла на пенсию в 50 лет. В 50-е годы прошлого столетия пенсионеры не имели права продолжать работать после выхода на пенсию. Как я помню, пенсия мамы тогда равнялась 520 рублям.

В отчёте директора детдома Виктора Матвеевича Бабинцева указано, что в 1952 г. с детдомовской пасеки оприходован мёд на сумму 6 750 руб. Подсчитаем: 6 750 руб.: 13, 5 руб./кг = 500 кг! А в детдомовской пасеке, как я знал, было всего 7 или 9 пчелосемей...

В начале июля 1953 года мои родители уехали в гости и оставили на моё попечение пасеку. Часов в 11 утра ко мне прибежал сосед Наиль (1937- 19 ?), сын дяди Сафы с сообщением о том, что у меня пчёлы роятся. Я растерялся, побежал к дяде Сане. Он пришел в майке, в тапочках на босу ногу. Я уже затоплял дымарь и надел на себя защитную сетку. Александр Никанорович посмотрел на роящихся пчёл, оценил рой: «Очень большой и хороший рой! Иди, разденься и умойся до пояса, сетку не одевай: пчёлам сейчас не до тебя, не бойся. Дымарь отнеси подальше от дома и построек, он сам выгорит и нам пока не понадобится. У тебя есть роевня? – спросил он меня, - если нет, возьми большую корзину и натяни на него мешок или простыню; сделай из плотной бумаги ковшик и прикрепи его к какой-нибудь рейке. Потом мы пойдём к пчёлам: у нас ещё есть время, они пока никуда не прививаются».

Рой начал формироваться у самой земли между кольями жердяного забора в таком неудобном месте, что я даже не представлял, как их можно будет оттуда собирать в роевню (тогда я думал **загонять пчёл в корзину**). Мы присели на корточки, я внимательно смотрел, как дядя Саня осторожно черпал бумажным ковшиком пчел и стряхивал их в мою самодельную роевню. Из роевни обратно выходило очень много пчел, но он их сыпал туда всё больше и больше. Попутно

дядя Саня рассказывал мне, что стоит ему закинуть туда пчелиную матку, как пчёлы сами ползут в роевню и придётся только дожидаться, когда весь рой окажется там. Нам только останется закрыть положком отверстие в корзине и поставить пчёл в тёмное и прохладное место до вечера. Мне же он поручил к вечеру подготовить пустой улей, поставить его недалеко от ульев на колышки-подставки и до вечера натянуть чистую вошину на рамки количеством не менее пяти-шести штук. Я сидел на корточках, опираясь на локти, пчелы ползали по моему обнажённому торсу, по голове, на лице щекотали мои ноздри, уголки губ, глаз. Я сказал об этом дяде Сане, он мне ответил, что они пьют у тебя слёзы, слюни, и что пчёлы очень любят чуть солёную жидкость: а твоя слюна на губах, в носу и глазах именно такая. «Только ты не шевелись и не отгоняй пчёл, они тебя не тронут. Кажется, матка уже в роевне, видишь, как пчелы пошли широкой полосой в корзину!», - заметил он мне. Тут я чуть сменил позу и раздавил пчелу под локтем на своем бедре, она немедленно меня ужалила. Я сообщил дяде Сане об этом, на что он спокойно сказал, чтобы я потерпел боль и не отрывал руку от бедра, и добавил: «А то не успеем до укрытия добежать!». Наконец, все пчёлы оказались в роевне. До вечера рой мы занесли в нетопленную, поэтому прохладную баню, занавесили окно тёмной дерматиной и оставили дверь открытым.

Вечером он пришёл *садить* пчел из роевни: из улья, откуда вылетел утром рой, взял две рамки с мёдом и расплодом, перенес их в новый пустой улей, приготовленный мною днем, с обеих сторон этих рамок поставил новые рамки со свежей вошиной, на лётную доску перед летком поставил наклонно две широкие доски, открыл мою импровизированную роевню и стряхнул часть пчел поближе к летку и начал их подгонять чистым гусиным крылышком в леток. Пчёлы не очень охотно шли в улей. Дядя Саня сказал, что пока их пчелиная матка не зайдёт в улей, их придётся всё время подгонять. Вечером мы были уже одетые и в сетках, так как пчелы на этот раз были очень агрессивными и приходилось их от себя отгонять дымарём. Наконец, матка зашла в улей, и все остальные пчелы *ходом* пошли за ней. Александр Никанорович попросил меня понаблюдать за пчёлами *дотемна* и пошёл к себе домой. Дня через три я с ним же осматривал новый улей: все мои пять рамок были уже натянуты воском и почти все были заполнены свежим мёдом. Мы поставили ещё пять рамок с новой вошиной и, закрыв улей, ушли домой (у нас были двенадцатирамочные ульи системы Дадана).

Пчеловодством я занимался с 1947 до 1971 года, из них самостоятельно с 1962 года (после смерти отца в 1961 году), довёл пасеку до восьми ульев, в том числе сделал улей-лежак на 16 рамок. В период взятки на все ульи я ставил магазинные надставки с высотой рамки в 230 мм (это размер рамок для многокорпусных ульев системы Лангстрота). Ульи мои были утеплёнными и пчёлы прекрасно без потерь зимовали на улице, укрытые еловым лапником. Мои пчёлы погибли в 1970-1971 годах, отравившись ДУСТом ДДТ, которым колхозные механизаторы опыляли цветущие лён и клевер (как мне известно, в деревне Кокси тогда же погибла пасека в 26 ульев у одного из колхозников, только я уже забыл, то ли у Шуклиных, то ли у кого-то из Лагуновых...).

За 24 года общения с пчёлами и работы с ними в своей пасеке, в 1953 году у меня это был единственный случай в жизни, когда я более часа находился внутри гудящего роя пчёл обнажённый до пояса, без защитной сетки и без дымаря, а живые пчелы ползали по моему обнажённому до пояса телу, по лицу! А Александр Никанорович на детдомовской пасеке работал почти всегда без сетки, и пчёлы его не жалили! – до такой степени он был спокойным и уравновешенным человеком (пчёлы не любят нервных и беспокойных людей...).

Через несколько дней я шёл по Палагаю и увидел, что в огороде Габдульяха Хузяхметовича, школьного учителя, роятся пчёлы. Вообразив себя уже очень *опытным* пчеловодом, я поспешил ему на помощь, и был примерно наказан разъярёнными пчёлами: еле унёс свои ноги и вернулся домой с распухшими от укусов лицом и руками...

Таисия Васильевна Лагунова в своих воспоминаниях о своём муже Александре Никаноровиче рассказывает (из записи беседы с ней на диктофон в Палагае в сентябре 2005 года):

Он до войны уехал учиться на лётчика, в 40-м, наверное. Он учился в Ташкенте на лётчика-истребителя. Как он рассказывал, у них лётная часть была в городе Мары Узбекистана. Он мало воевал, мало вылетов сделал... и в плен попал. В бою сбили его, и он в плену был в Освенциме: «Очень страшный лагерь был, - рассказывал он, - очень мало осталось в живых, я остался случайно. Я уже до того истощал, - говорит, - погнали нас в крематорий, да. Которые смогли, ушли и их сожгли, а я, - говорит, - упаду, а вставать и силы нет, опять упаду. Этот (конвойный немец – Т.В.) тыкал-тыкал в меня прикладом винтовки, - говорит, - рукой махнул и ушёл, - говорит, - я...остался жив!». Так он долго пролежал на земле и не сожгли его. «Кончилась война, да, нас освободили американцы, наверное, - рассказывал Александр Никанорович, - наш лагерь освобождали с одной стороны поляки, с

другой – американские солдаты. Из лагеря недалеко, - говорит, - какой-то сборный пункт сделали, в километрах четырёх, а мы уже шевелиться не можем, так нам было плохо, дак, несколько дней мы эти 4 км шли с товарищем... Очень уж слабые мы были... Тут нас подкормили, а потом и домой отпустили».

Вернулся он в 47-ом году (после освобождения из плена он еще прослужил два года: военнопленным, которых освобождали союзники, после проверок разрешали продолжать военную службу, и они не подвергались дальнейшим репрессиям), тощий-претощий, весу в нём, наверное, было не больше 40 килограммов... Мало время как-то прошло, но он уже окреп и полный стал, и всё, и задумал жениться вот, женились мы в 47-ом году. Да, (на мой вопрос – А.Х.), мы тоже коксинские были, в соседях жили. (Таисия Васильевна из бесермянской – тогда - удмуртской – семьи, в Коксях их было три семьи – А.Х.)

Так как он лётчиком был, приезжали к нему со всех деревень смотреть на него, но он много не рассказывал, но уже если приехали, то немного рассказывал. В колхозе ему хорошую работу не давали.

Мало время прошло, этот прокурор Юкаменский, Лубнин, его вызвал в Юкаменское, не сразу его отпустили домой. Ну, чего, он там недолго был, объяснительную написал, домой-то отпустили. Прокурора звали Пётр Фёдорович. Злой был... (Завидовал, что ли Сане – он тогда молодожёном был - это сказано было Таисией Васильевной вполголоса, как бы за кулисы в театре ... - А.Х.). Потом Саня день работает в колхозе («Красный путь»), на ночь его Лубнин опять в милицию закрывает. За ним приезжал верхом на лошади милиционер, Курканский Филипп был, так Саня пешком, рядом с лошастью шел, а утром опять его отпускали домой. Путь был неблизкий: шли они через Чупинский лес напрямую по лесной проселочной дороге через деревни Чупино - Чурашур до Юкаменского – километров двенадцать надо было идти, если не больше. Потом, так сказать, его реабилитировали, тогда ему в колхозе хорошую работу дали, работал, вот такие были дела у нас... (На мой вопрос – А.Х.) В детдом мы переехали в 47-ом году, может, в 48-ом, маленький Вася уже был у нас...

Вначале Саня хотел устроиться работать в Ижевский аэропорт лётчиком, да ладно, там попался хороший кадровик, который посоветовал ему не показываться здесь: сказал, что покопаются в Ваших документах, дак обязательно посадят из-за плена... Так вот мы и остались жить и работать в районе.

Я показываю Таисие Васильевне групповую фотографию автора (А. Галева) 53-го года, где мы фотографировались вместе с воспитанниками детдома, и спрашиваю её:

«Кто из Ваших малышей у Вас на руках, не Таня ли?» – «Нет, это Олег, он совсем недавно родился, а Таня стоит передо мною в белом платьице и панамке».

Татьяна Александровна после окончания Глазовского пединститута была направлена в Палагайскую школу, да там и осталась, вышла замуж за местного механизатора. Она – заслуженный учитель Удмуртской республики, преподавала в средней школе русский язык и литературу, уже на пенсии.

В 1953 году семья Лагуновых переехала в Засековскую МТС, потом, после ликвидации МТС, они переехали жить в село Юкаменское.

1954 год

Тарификационный список 1954 г.

Директор Меньшиков Иван Афанасьевич - 635 рублей

Кайсина Мария Яковлевна – воспитатель, образование ср. педагогическое - 635 =

Касимова Амина Исмагильевна (звали её на русский манер Нина Исхаковна), обр. ср. школьное - 490 =

Бронникова Зоя Даниловна, обр. ср. пед., воспитатель - 575 =

Кайщева Юлия Александровна, воспитатель, обр. ср. пед., - 575 =

Абашев Ибрагим Гарифович, инсп. по труду - 690 =

Наймушина Евгения Васильевна, медсестра (акушерка) - 475 =

Ивана Афанасьевича Меньшикова я помню очень хорошо, у него была довольно большая семья, они держали молочных коз. Однажды в летний вечер я увидел, как он переодевается после сенокоса: с фронта он пришел без левой руки, у него осталось только полплеча. Косил он, зажав культяпкой рукоятку косы-литовки под левой подмышкой. Когда он снял свою потную рубашку, я увидел, что его грудь слева и подмышки были растерты до крови концом рукоятки косы и представляли собой огромную кровоточащую рану. Абашев Марат в своем дипломе об Иване Афанасьевиче, ссылаясь на архивные документы, написал не очень корректно. Но что можно было

ожидать от *мальчишки*, который родился и вырос уже в конце благополучного и сытого XX века, и он, Марат Абашев, совсем не мог представить себе, через какие трудности прошел фронтовик, инвалид Великой Отечественной войны, и, несмотря ни на что, продолжал жить и работать ради будущего своих родных детей и рано осиротевших детдомовских детей!

На убранном с этой страницы фотографии автора 1952 или 1953 года Палагинский киномеханик Абашев Ибрагим Гарифович, всю свою жизнь после Великой Отечественной войны проработавший на этой должности.

Он ремонтирует бензиновый движок киноустановки внутри Палагинского клуба. Мне в жизни почему-то *везло*: меня всё время наказывали за моё ухо. Глядя на этот снимок вспомнился ещё один маленький эпизод из моего детства. Мы, маленькие, часто в клуб во время киносеансов залезали на сцену через окошко, сняв один проём стекла в раме, и кино смотрели, сидя на полу за экраном. Во время одного из детских сеансов дядя Ибрай, почему-то поймал меня одного за моё левое ухо, через весь зал, прямо во время демонстрации кинофильма вывел на улицу, хотя за экраном нас было почти полдюжины безбилетников...

Сетевое электричество в Палагае появится после 1960-х годов. В 1954 году Ибрагим Гарифович будет работать в детдоме трудовиком (возможно, он работал по совместительству: детские фильмы показывали в 4 часа дня, взрослые сеансы были с 8 вечера, кино в Палагае было не каждый день).

Число детей на **1.01.1954 г.** – 63 человек.

Учебное оборудование на 1954 г.:

Лыжи – 30 пар, цена 56 руб. = 1 680 руб.

Швейная машина – 2 шт., цена 560 руб. = 1 120 руб.

Детские велосипеды – 10 шт. цена 430 руб. = 4 300 руб.

Детские велосипеды – 10 шт. - это те самые велосипеды, которые купил для воспитанников директор детдома Алексей Андреевич Владыкин еще в 1948 году. Помните, Рида Дмитриевна вспоминала:

В 1948 году, когда директором работал Владыкин Алексей Андреевич, приобрели 10 велосипедов. Какая это была радость для ребят! Детсовет строго следил за сохранностью их и очередностью пользования. <...>. (Бушмелев Н.С, составитель, и др. Сборник «В стороне Юкаменской». Глазов. 2000. стр. 51 – 55).

Ремарка: странно, что дипломник Марат Абашев в архивных фондах не нашел и не *заметил*, что в детском доме было 10 велосипедов, и за несколько лет (за 6 лет!) они, велосипеды, отлично сохранились: дети очень ценили их и берегли!

Список детей Юкаменского детского дома, подлежащих к распределению [в колхозы и совхозы сельских районов Удмуртской АССР – А.Х.] в 1954 – 1955 учебном году. В список включены всего 27 детей, в том числе:

Бауэр, год рождения	1.01.38 г.,	ученица 6 класса,
Ворончихина Галина	25.09.36г.,	6 кл.
Дьяконова Вера	20.10.38 г.	5 кл.
Абашев Василий Васильевич	25.09.42 г.	
Ешметьева Лидия	26.06.39 г.	
Бушмакин Юрий	12.06.39 г.	5 кл.
Семёнов Лев	3.09.39 г.	4 кл.
Абашева Галия	5.05.40 г.	7 кл.

Примечание: О Дьяконовой Вере Николаевне 20.10.1938 г.р. и о ее нелегкой судьбе я напишу в конце своей рукописи.

В 1954 г. было работников в детдоме:

Старший рабочий Абашев Наби[уллa Галиуллин]

410=

Конюх Абашев Хабир Каюмович	260=
Конно-рабочая Булдакова Анастасия	260=
Конно-рабочий Абашев Миннихан М.	260=
Скотница-доярка Есенева Асылбика	210=
Скотница-доярка Абашева Мавлия	210=
Пчеловод Наговицина Августа Петровна	410=
Счетовод- кассир Малых Анастасия Константиновна	155=
Пастух сезонный, сезонные рабочие 5 человек	- ? –

Почти всех работников детдома я помню, так как мы жили рядом с детдомом и всегда с ними общались. Хабир Каюмович жил в детдомовском доме, у него и его жены Гасимы было двое дочерей, последний, Шамиль, родился уже после войны. У Есенеевой Асылбики детей было двое. Она их растила одна, только очень поздно вышла замуж за вдовца Саляхутдина Абашева (после смерти Галии Хиялиевны). С. Абашев фактически был *примаком*, т.к. он пришёл в семью в их дом (у удмуртов таких мужчин называют *пыртос*). Мавлия была одинокой женщиной и жила очень бедно... Абашев Набиулла Галиуллин после детдома работал в колхозе «Трактор», правда, на какой работе он работал, я не знаю. У него 4 детей, одна из них, Мардия, училась у меня в 6-х - 9-х классах Палагинской средней школы в начале 60-х. годов прошлого столетия. После культпросветшколы она всю жизнь проработает в Дебёссском районе директором Районного дома культуры. Я хотел в эти страницы вмонтировать фотографии большинства работников детдома, но, к сожалению, в моей фототеке сохранились не все негативы. А имеющиеся фотографии или растерялись за полвека с лишним лет, или я для себя их фотографии тогда не оставлял.

Выписки из архивных документов по Юкаменскому детскому дому. (Глазовский архив. Ф. 181, оп. 1, д. 246, Юкаменский райфинотдел.. Штатные расписания, сметы расходов и карточки по регистрации штатов Юкаменского детского дома на 1952 – 1958 гг. на 83 листах».

Стр. 47-73:

Земли - пахотной - 29,6 га,
сенокосов – 8,0 га.

На 1.01.1954 г. - рабочих лошадей – 4,
молодняк – 1,
КРС – 3, в т.ч. дойных коров – 3,
свиней – 5, в.т.ч. свиноматок – 4,
пчелосемей – 9.

До начала апреля 1954 г.– директор детдома Меньшиков Иван Афанасьевич, с апреля 1954 г. – директором детдома назначена Шнякина Надежда Макаровна.

На 1.01.56 г. количество детей в детдоме 61 человек

На этой краткой строчке практически заканчиваются записи в архивной папке

«Глазовский архив. Юкаменский райфинотдел. Ф. 181, оп. 1, д. 246. Штатные расписания, сметы расходов и карточки по регистрации штатов Юкаменского детского дома на 1952 – 1958 гг. на 83 листах».

На *листе 73* архивного дела последняя запись, сделанная при новом директоре Юкаменского детдома Шнякиной Надежде Макаровне. В архивном «Деле» (**папке**) подшиты несколько листов с какими-то записями, но в папке больше нет ни одного (!!!) списка штатного расписания на последующие годы работы детдома – на 1955, 1956, 1957, 1958 и 1959-е годы, нет ни одной сметы расходов, ни одного ежегодного отчёта (по годам) по хозяйственной деятельности подсобного хозяйства детдома. Куда делись рабочие лошади и молодняк, крупный рогатый скот с дойными коровами, свиньи, пчёлы - об этом нет ни одного документа. Я не знаю, какие должны были быть документы при ликвидации Юкаменского детдома, куда были отправлены дети, которые ещё не могли уйти в «большую» жизнь по возрасту... Юкаменский район включают в состав Глазовского района только в 1963 году, до этого ещё 4 года, а детдом, как хозяйственная единица, растворился в воздухе, как у хорошего иллюзиониста. Так, кто же был этим «иллюзионистом» или были

«иллюзионистами» вместе с работниками Юкаменского райфинотдела исполкома Юкаменского райсовета или других отделов? Возможно, документы остались в «Делах» по Юкаменскому РОНО? Впрочем, всё это мои умозаключения, я имею право что угодно думать, и даже то, что я знаю, как житель Палагая, к делу не пришьёшь: в голове человека живут мысли, знания и память, но не документы...

На обороте (фотографию я убрал – А.Х.) последнего снимка коллектива воспитателей, обслуживающего персонала и воспитанников Юкаменского детского дома в деревне Большой Палагай Юкаменского района Удмуртской АССР надпись карандашом:

1959 год, август м-ц в год ликвидации д/дома из Палагая.

Во втором ряду в центре (восьмая слева направо) сидит Надежда Макаровна Шнякина (между девочками в белых платьях). В этом же ряду 4-я слева - Наймушина Евгения Васильевна, фельдшер (акушерка). В этом же ряду справа налево 4-я справа кастелянша Абашева Сания Зиганшина; 5-я - воспитательница Касимова Амина Исмагильевна; имена других взрослых людей не помню. В четвёртом ряду стоят: второй слева – конюх Абашев Хабир Каюмович; 3-я слева прачка Таушева Ефарбика; имена других взрослых людей не помню, как не помню имена всех воспитанников детского дома. В Палагае не осталось уже ни одного старожила, знавшего работников детдома. Этот снимок мне дали уже после смерти Надежды Макаровны...

Теперь я посвящу несколько строк судьбе воспитанницы детского дома **Дьяконовой Веры Николаевны** родом из деревни Куняново Палагинского сельсовета Юкаменского района. С Верой и ее семьёй мы встретились в Томске летом 1968 года. До этого я знал Веру только по имени (кроме ее мужа Басира - Вера называла его **Борис**, - который был моим другом детства).

Басир, 1934 г. р., служба в рядах С.А., в качестве танкиста-механика, участвовал на испытании советского ядерного оружия на Тоцком полигоне Оренбургской области в сентябре 1954 года. Тогда советские руководители решили испытания проводить на живом биологическом материале: на солдатах, животных... Их танки стояли в контрэскарпе (ров для укрытия бронетехники, углубление в земле, открытое с одной стороны) в 2 км от эпицентра, им дали чёрные очки, танки были загерметизированы. С каждого военнослужащего компетентные органы взяли подписку о неразглашении военной тайны (об участии на испытании ядерного оружия).

Несмотря на подписку о неразглашении, Басир после демобилизации рассказал мне, как прошли испытания атомной бомбы (правда, он тоже предупредил меня, чтобы я никому ничего не рассказывал). При взрыве на танк обрушилась страшная взрывная волна, танки дважды сильно придавило к земле. Через 2 часа танки прошли по эпицентру взрыва, Басир рассказывал, что земля была как растрескавшееся темное расплавленное стекло. Потом они прошли дезактивацию... Подробности далее читайте в учебнике по ГО. Басир на этих испытаниях получил сильную дозу радиоактивного облучения, он всю жизнь болел сопутствующими облучению болезнями и умер в Томске (в г. Северске) в конце 1990-х годов (в СССР только после Чернобыля признали эти болезни, даже после Челябинской катастрофы за три десятка лет до Чернобыля, заражённых радиоактивным облучением там людей за больных не признавали...)

После демобилизации в 1954 г. Басир поступил работать на Чепецкий механический завод в Глазове. Басир и Вера поженились, потом они уехали в Сибирь на какой-то **“Томск –номерной”** (Потом я узнаю: **Томск-7**, сейчас г. **Северск** Томской области), работать на комбинат по производству высокообогащённого урана-35 и плутония (с 1949 г.). Но этот город был полностью закрытый с пропускной системой: туда разрешали приезжать только родителям по специальному вызову. Весной 1968 г. Сабрековы пригласили меня и Людмилу в гости, нас они приняли на берегу реки Томь на пляже. В конце мая в реке можно было уже купаться, чем мы и воспользовались. Хотя в Томске почти не продавали ещё свежую зелень, Вера с Басиром (Вера всю жизнь называла его Борисом), они вынесли за ограду южные фрукты, мясные и рыбные деликатесы, которые тогда во всей России (кроме Глазова, естественно!) нельзя было купить (на сленге тех лет - **“достать”**) в свободной продаже... Сабрековы нам устроили такой пикник!

История Веры такова: её, как сироту, взяли в Юкаменский детдом из деревни Куняново Палагинского сельсовета Юкаменского района в годы войны.

В начале 1954-1955 учебного года 27 детей в возрасте от 13 лет и старше из детдома выписали и направили по распределению (по списку) в колхозы республики на работу (**Глазовский архив. Ф. 181, оп. 1, д. 246, лист 58**).

Повтор: Список детей Юкаменского детского дома, подлежащих к распределению [в колхозы и совхозы сельских районов Удмуртской АССР – А.Х.] в 1954 – 1955 учебном году. В список включены всего 27 детей, в том числе:

Бауэр, год рождения	1.01.38 г.,	ученица 6 класса,
Ворончихина Галина	25.09.36г.,	6 кл.
Дьяконова Вера	20.10.38 г.	5 кл.
Абашев Василий Васильевич	25.09.42 г.	
Ешмететьева Лидия	26.06.39 г.	
Бушмакин Юрий	12.06.39 г.	5 кл.
Семёнов Лев	3.09.39 г.	4 кл.
Абашева Галия	5.05.40 г.	7 кл.

Вера оказалась в каком-то колхозе на юге Удмуртии. Там она, 15-летняя, оказалась без квартиры, без тёплой одежды и даже без резиновых сапог, на ферме КРС. При выписке из детдома детям должны были дать полное приданое: зимнюю и демисезонную одежду, зимнюю и летнюю обувь, полный комплект постели и что-то ещё... Как рассказывала позже Вера, им ничего не дали, я уже писал, даже резиновых сапог у неё не было. Она из этого колхоза в октябре 1954-го же года сбежала и приехала в Палагай, где её приютили Сабрековы дядя Сафа и Корбану апа. Осенью 1954 года из армии демобилизовался Басир...

Лет через двадцать мы встретились с Басиром Габдульгазизовичем и Верой Николаевной Сабрековыми в посёлке Богашёво Томской области и в г. Северске (правда, за забором города Северска), где они тогда жили и работали, вспоминали общих знакомых в Палагае. Всех Вера вспоминала со всеми подробностями. Очень тепло она вспоминала Риду Дмитриевну, Алексея Андреевича, Виктора Матвеевича, Ивана Афанасьевича, воспитателей, рабочих детдома, она всех-всех помнила и говорила о них с грустью и сильным чувством настоящей ностальгии. Вера о директорах детдома тех лет Алексее Андреевиче, Викторе Матвеевиче и Иване Афанасьевиче отзывалась: “Они был нам как настоящие родители!”.

Повторюсь: Из архивных документов: до апреля 1954 года директором детдома был Иван Афанасьевич Меньшиков, инвалид Великой Отечественной войны, на фронте он потерял левую руку, несмотря на это он очень ловко косил траву для своих коз – у него была довольно большая семья, - зажав рукоятку косы культей в левой подмышке. Как-то я увидел его вечером, он переодевался: область подмышек и груди под культей была намозолена до крови; потом его семья переедет жить в Балезинский район.

Когда в нашей беседе появилась фамилия директора детдома, которая отправила их в большую жизнь почти голыми, Вера Николаевна вдруг буквально взорвалась: “Эта барыня ещё жива? Как её земля носит!”, - и ещё несколько эмоциональных эпитетов в её адрес. Здесь я её фамилию не упоминаю, она ещё жива, живёт и благоденствует в Палагае. Директором детдома она была до 1959 г. Молодые жители Палагай едва ли знают, что с 1944 по 1959 год в деревне находился Юкаменский детдом.

В Томске у Сабрековых родилось трое детей. В 1996 году мы получили от Веры письмо, в котором она пишет:

“Роза работает ... бухгалтером, Инга тоже. Роза замужем, у них двое дочерей. Саша вернулся с военной службы. Я продолжаю работать, ведь жизнь стала такой тяжёлой. Борис сильно очень болеет... можно сказать, сегодня живёт, а завтра умрет., сильно похудел... “.

К большому моему стыду, ответить Вере я сразу не собрался, точнее, не смог написать: я не знал, жив ли ещё Басир или уже умер, я совсем растерялся, не знал, как ответить на это письмо. Письмо я сохранил в своих бумагах, а потом уже и не решался написать. Правлю сейчас свои записи, и вдруг пришло в голову: вот закончу свою работу “Эвакуированные и Юкаменский детдом...” и отправлю Вере и её детям свои рукописи другие свои наработки, записав на на диске: наверное, у них в семье имеются компьютеры, а при желании смогут распечатать диск на бумагу.

Конец

P.S.: Несколько дней назад получил листок “Уведомления” к моему письму. В г. Северске моё письмо получили 18 августа 2009 г., подпись получателя – “Сабреков”. Возможно, напишут мне ответ и я узнаю их дальнейшую судьбу, и жива ли ещё Вера Николаевна....

Архивные материалы, литература, информанты

1. Глазовский архив. Ф. 176, оп. 1, д. 202. Сведения о выполнении сельхоз-работ за 1942 год, том 1, на 196 листах.
2. Там же, *лист 113*.
3. Глазовский архив. Ф. 176, оп. 1, д. 204. Переписка с переселенческим отделом по эвакуации. Начато 28 января 1942, окончено 30 декабря 1942 на 127 листах. *Листы 14, 18*.
4. Там же, *лист 32*
5. Там же, *листы 39, 48*.
6. Там же, *лист 30*.
7. Там же, *лист 59*.
8. Там же, *лист 72*.
9. Там же, *лист 91*.
10. Там же, *лист 112*.
11. Там же, *лист 94*.
12. Там же, *листы 11-б, 13*.
13. Глазовский архив. Ф. 175, оп. 1, д. 30. Похозяйственная книга д. Б-Палагай и М-Палагай за 1935 год, *лист 32..*
14. Глазовский архив. Ф. 175, оп. 1, д. 63. Похозяйственная книга Палагинского сельсовета дер. Б-Палагай за 1946-1948 гг., *лист 10 об (21)*.
15. ЦГА УР. Ф. 169, оп. 1, д. 38. Архивная коллекция метрических книг Глазовского и Сарапульского уездов Вятской губернии. Метрическая книга д. Палагай на 1911 год, лист 24. Из личного архива доцента ГГПИ, кандидата исторических наук Дианы Габдулловны Касимовой.
16. Глазовский архив. Ф. 184, оп. 1, д. 31. Юкаменский районный отдел народного образования. Текстовые и статистические отчёты школ по всеобучу за 1942-1943 учебный год, на 232 листах, *лист 8*.
17. Глазовский архив. Ф. 184, оп. 1, д. 37. Юкаменский районный отдел народного образования. Выводы [на папке «Вводы» - А.Х.] и докладные по обследованию школ района. Начато: 21 января 19 г., окончено 21 мая 1944 г на 144 листах. Выводы обследования Палагинской СШ с 22-23/III – 44, *листы 49-56*.
18. Глазовский архив. Ф. 184, оп. 1, д. 34, *лист 26*.
19. Глазовский архив. Ф. 176, оп. 1, д. 200. Протоколы заседаний исполкома райсовета, *листы 73, 104*.
20. Глазовский архив. Ф. 184, оп. 1, д. 34. Отчёты школ по подготовке значкистов БГТО и ГТО за 1943 год, на 44 листах, *листы 3 – 12-об, 42-43*.
21. Бушмелев Н.С, составитель, и др. Сборник «В стороне Юкаменской». Глазов. 2000. *стр. 51 – 55*.
22. Глазовский архив. Ф. 176, оп. 1, д. 17, листы 16-18. Юкаменский райисполком. Протоколы собраний бедноты о закрытии церквей и мечетей. 8 октября 1930 – декабрь 1931 на 103 листах.
23. Энциклопедический словарь Кирилла и Мефодия, электронная версия 2009 г.
24. Глазовский архив. Ф. 184, оп. 1, д. 16, *листы 55 об., 60*.
25. Глазовский архив. Ф. 181, оп. 1, д. 246, Юкаменский райфинотдел. Штатные расписания, сметы расходов и карточки по регистрации штатов Юкаменского детского дома на 1952 – 1958 гг. на 83 листах».
26. Там же, *листы 1, 2*.
27. Там же, *листы 4, 5-об*.
28. Там же, *листы 6-об*.
29. Там же, *листы 7-37*.
30. Там же, *листы 47-73*.
31. Владыкина Рида Дмитриевна, (1925-2004). Родилась в с Ежево Юкаменского района Удмуртской республики, жила последние годы в Палагае.
32. Лагунова Таисия Васильевна. Родилась в д. Кокси Юкаменского района, живёт в Палагае в семье дочери Татьяны Александровны.
33. Ходырев Василий Дмитриевич, 1923 г.р., родился в с. Ежево Юкаменского района, живёт в Глазове.
34. Глазов спортивный. Глазов. 1993. Стр. 237-243.

35. Юкаменский архив. Сведения из трудовой книжки Р.Д. Владыкиной (1925-2004).
36. Юкаменский архив. Сведения из трудовой книжки А.А. Влвдыкина (1916-2000).
37. Татарско-русский словарь. Казань. 1988. Стр. 15.
38. Глазовский архив. Ф.245, оп. 1, д. 5. Похозяйственная книга на 1943-1945 годы. Дер. Засеково, В-Дасос. *Лист 54-об.*
39. Глазовский архив. Ф.181, оп. 1, д. 7. Юкаменский райфинотдел. Дело по обложению налогом владельцев мельниц за 1929 – 1930 гг. *Листы 1, 14.*
40. Глазовский архив. Ф.181, оп. 1, д. 83.
41. Культурное строительство в Удмуртии. Сборник документов и материалов (1941 – 1975 гг.). Ижевск. 1977. Стр. 16-17, 22-23.
42. Книга памяти. Т. 4. Ижевск: Удмуртия. 1994.

А. Галеев

Пенсионер

7 сентября 2009 г. – 17 ноября 2013 года (правка).

427 627. Удмуртская Республика.

г. Глазов, ул. Барышникова, д. 1, кв. 89,

Галеев Азат Харисович, тел. 7-64-37

E-mail galeev35@mail.ru